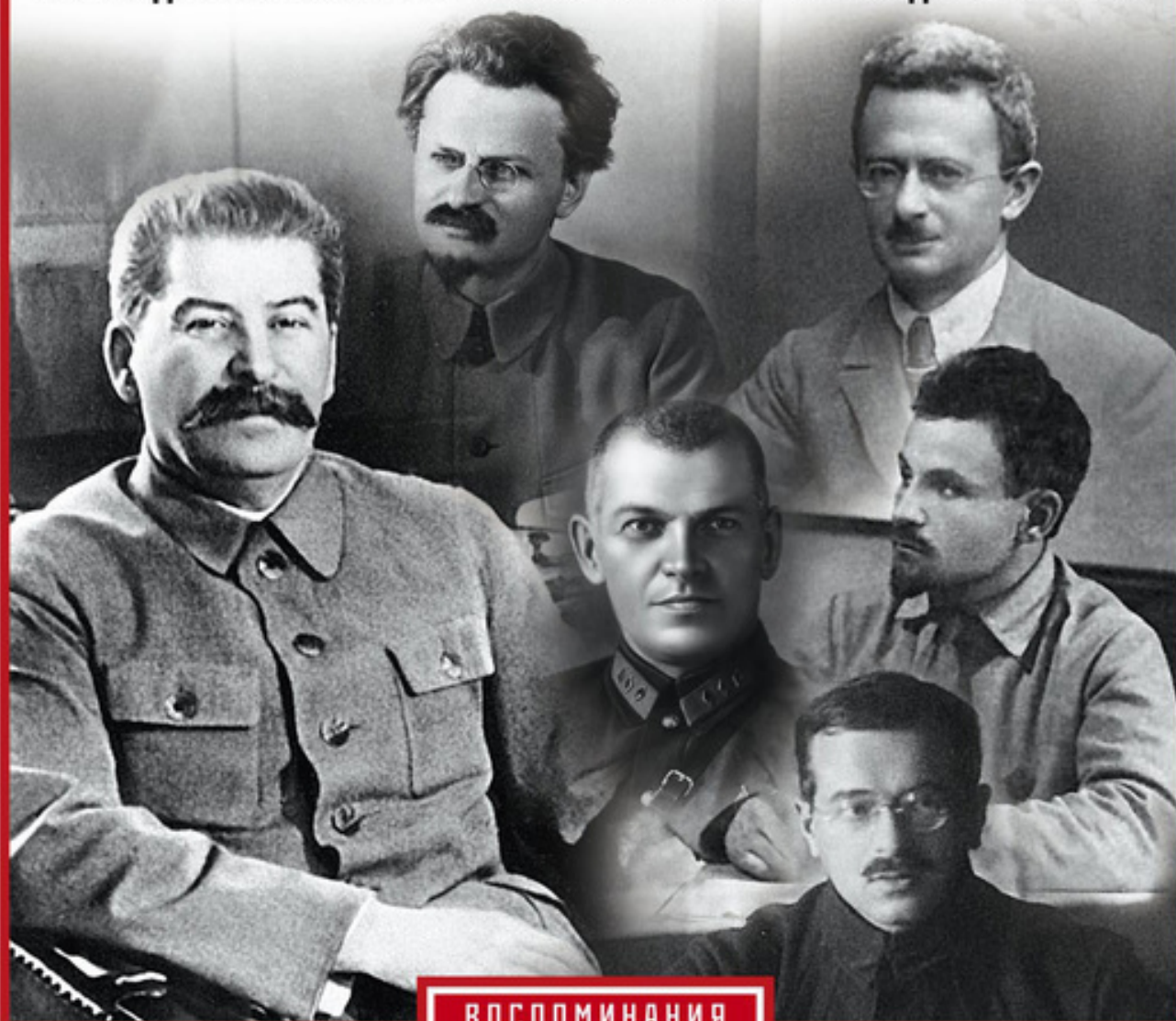

ВАЛЬТЕР КРИВИЦКИЙ

НА СЛУЖБЕ В СТАЛИНСКОЙ РАЗВЕДКЕ

РУКОВОДИТЕЛЬ АГЕНТУРНОЙ СЕТИ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
НЕВОЗВРАЩЕНЦА

Вальтер Кривицкий

**На службе в сталинской
разведке. Тайны русских
спецслужб от бывшего
шефа советской разведки
в Западной Европе**

«Центрполиграф»

УДК 82-8
ББК 84(2)

Кривицкий В. Г.

На службе в сталинской разведке. Тайны русских спецслужб от бывшего шефа советской разведки в Западной Европе / В. Г. Кривицкий — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-07489-8

Вальтер Германович Кривицкий – под этим именем он был известен в списках личного состава Разведывательного управления Штаба РККА. Настоящее его имя было Самуил Гинзбург. Он был одним из крупнейших специалистов Разведывательного управления по западноевропейским странам, преподавал в Высшей школе подготовки разведчиков, занимая должность, соответствующую званию командира бригады РККА, с 1933 по 1934 год был директором Института военной промышленности. Сталинский произвол и некоторые внешнеполитические акции советского руководства, мысль о возможном аресте вызывали большое беспокойство у Кривицкого. Однако он не сразу решился на крайний шаг – стать невозвращенцем.

УДК 82-8
ББК 84(2)

ISBN 978-5-227-07489-8

© Кривицкий В. Г.
© Центрполиграф

Содержание

От автора	6
Глава 1. Сталин ублажает Гитлера	11
Глава 2. Конец Коминтерна	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вальтер Кривицкий
На службе в сталинской разведке.
Тайны русских спецслужб
от бывшего шефа советской
разведки в Западной Европе

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

От автора

Вечером 22 мая 1937 года я сел на поезд в Москве, чтобы вернуться на свое рабочее место в Гаагу, где я возглавлял советскую военную разведку в Западной Европе. В тот момент я вряд ли понимал, что больше не увижу Россию – по крайней мере, до тех пор, пока Сталин является ее хозяином. Почти двадцать лет я служил советскому правительству. Почти двадцать лет я считал себя большевиком. Поезд мчался к финской границе, а я, пребывая в одиночестве в купе, думал о судьбе своих коллег, своих товарищей и друзей: почти все они были либо расстреляны, либо находились в концлагерях. Они отдали всю свою жизнь строительству нового, лучшего мира и погибли на своем посту – не от вражеской пули, а лишь потому, что так было угодно Сталину.

Кто из оставшихся здесь вызывал уважение и восхищение? Кто из героев и героинь нашей революции не был раздавлен или уничтожен? Смею думать, что очень немногие. Все те, чья честность не вызвала и малейшего сомнения, вдруг стали предателями, шпионами или просто уголовными преступниками. В моей голове проносились картины из прошлого: во время Гражданской войны эти «предатели» и «шпионы» тысячу раз, не дрогнув, смотрели в лицо смерти; затем тяжелые времена индустриализации и сверхчеловеческие усилия закаляли нас; потом были коллективизация и голод, когда еды хватало лишь на то, чтобы поддерживать в нас жизнь. И вот последовала великая репрессивная чистка рядов, уничтожавшая тех, кто работал из последних сил, чтобы построить государство, где человек никогда бы больше не мог эксплуатировать человека.

За долгие годы борьбы мы привыкли повторять себе, что победы над несправедливостью, царящей в старом обществе, можно добиться только жертвами – как моральными, так и физическими, что новый мир никогда не наступит, если не уничтожить без остатка родимые пятна старого. Но было ли уничтожение всех большевиков необходимым условием торжества большевистской революции? Или в противном случае революция бы погибла? Тогда я не знал ответа на эти вопросы, но задавал их снова и снова...

Когда мне было тринадцать, я примкнул к движению рабочего класса. Это не было осмысленным решением зрелого человека, скорее почти детским поступком. Заунывные напевы о страданиях перемешались в моей голове с новыми песнями о свободе. Но в 1917 году я был восемнадцатилетним юношей, и большевистская революция вошла в мое сознание как абсолютно верное решение всех проблем нищеты, неравенства и несправедливости. С чистым сердцем и всей душой я вступил в партию большевиков. Я ухватился за марксизм-ленинизм как за оружие, способное уничтожить то неправильное, против чего я инстинктивно взбунтовался.

На протяжении всех тех лет, пока я служил советскому правительству, я никогда не ожидал от власти ничего иного, кроме как права продолжать свою работу. И мне никогда не давали ничего иного. Спустя многие годы советское правительство укрепило свое положение, а меня отправили за границу, где я не раз рисковал своей жизнью и дважды оказывался в тюрьме. Я работал по шестнадцать – восемнадцать часов в день, но так и не заработал ничего сверх того, что покрывало мои простые повседневные расходы. Да, путешествуя за границей, я жил в относительном комфорте, но денег у меня не было даже на то, чтобы в конце 1935 года должным образом обогревать свою квартиру в Москве или купить молока для двухлетнего сына. Я не занимал важных постов, да у меня и не было особого желания (работа отнимала все мое время) стать одним из новых привилегированных чиновников с материальным положением, которое имели защитники советского порядка. Я тоже защищал его, поскольку верил, что он и есть единственно верный путь строительства нового и лучшего общества.

Тот факт, что моя работа была связана с защитой страны от внешних врагов, не давал мне размышлять о происходящем в пределах наших границ и особенно внутри маленького мира политической власти. Будучи офицером разведки, я видел внешних врагов Советского Союза значительно ближе, чем внутренних заговорщиков. Я знал о сепаратистских и фашистских заговорах, выраставших на зарубежной почве, но не имел никакого отношения к интригам в Кремле. Я видел, как Сталин возвышался до абсолютной власти, в то время как ближайшие соратники Ленина гибли от рук того самого государства, которое они создали. Но, как и многие другие, я вновь и вновь убеждал себя, что все это, возможно, ошибки руководства, что Советский Союз все еще полон сил и является надеждой человечества.

Были такие ситуации, когда даже эта вера вдруг становилась шаткой. Если бы тогда я связывал надежды хоть с чем-то еще, то, быть может, я бы выбрал новый курс. Но каждый раз события в другой части мира будто входили в сговор и удерживали меня на службе у Сталина. В 1933 году, когда миллионы русских людей умирали от голода и я знал, что это результат безжалостной сталинской политики, что Сталин намеренно не разрешает государству оказывать им помощь, я видел также, что Гитлер захватил власть в Германии и разрушает там все, что мы понимаем под жизнью человеческого духа. Сталин был врагом Гитлера, и я решил остаться на службе у Сталина.

В феврале 1934 года я вновь столкнулся с той же самой дилеммой и сделал тот же самый выбор. Я тогда находился в ежегодном отпуске и месяц отдыхал в санатории «Марьино», что в Курской области, в средней полосе России. Когда-то Марьином владел князь Барятинский – покоритель Кавказа. Этот великолепный дворец, напоминающий по стилю Версаль, был окружен прекрасными английскими парками и рукотворными озерами. Санаторий располагал отличным персоналом, состоящим из врачей, спортивных инструкторов, медсестер и других работников. Недалеко от закрытой территории располагалось государственное подсобное хозяйство, где трудились крестьяне, обеспечивающие гостей продуктами. Охрана на воротах не позволяла им проникать за ограду.

Как-то утром, вскоре после моего приезда, я и мой спутник отправились на прогулку к деревне, где жили крестьяне. Открывшаяся нашему взору картина буквально потрясла меня. Полураздетые ребятишки выбежали из убогих домишек и умоляли нас дать им кусок хлеба. В крестьянском кооперативном магазине не было ни еды, ни топлива – ничего, что можно было бы купить. Ужасная нищета бросилась мне в глаза – я был подавлен.

В тот вечер отдыхающие расположились в залитой светом столовой «Марьины» и, отлично поужинав, весело болтали. На улице было холодно, а здесь потрескивающий камин создавал ощущение тепла и покоя. Я зачем-то обернулся и посмотрел в окно. И увидел лихорадочно сверкавшие глаза голодных крестьянских мальчишек – беспризорников; их крошечные лица казались приклеенными к холодному стеклу. Скоро и другие проследили за направлением моего взгляда и тут же приказали охранникам отогнать непрошенных гостей. Почти каждый вечер эти ребятишки каким-то образом проникали за ограждение и бродили у дворца в поисках хоть какой-то еды. Иногда мне удавалось незамеченным выскользнуть из столовой и вынести им немного хлеба. Но я делал это тайно, потому что такая практика в нашей среде не поощрялась. У советских чиновников выработался своеобразный защитный стереотип против человеческих страданий: «Мы все идем по трудной дороге к социализму. Многим суждено пасть на обочине. Мы должны хорошо питаться и восстанавливать силы после долгих трудов, наслаждаясь несколько недель в году отдыхом и комфортом, которые пока еще не доступны для других, потому что мы строители прекрасного будущего. Мы строители социализма. Мы должны поддерживать свое здоровье, чтобы продолжать свой путь по этой трудной дороге. А если какие-то несчастья встречаются нам на пути, то о них позаботятся в свое время. А пока – прочь с дороги! Не докучайте нам своими страданиями! Если мы будем останавливаться, чтобы бросать вам крошки, то никогда не достигнем цели!»

Вот так. Понятно, что люди, сохраняя спокойствие таким образом, вовсе не собирались слишком сокрушаться о поворотах на этой дороге или слишком критически интересоваться, действительно ли она ведет к прекрасному будущему.

Однажды морозным утром, возвращаясь из «Марьино» домой, я добрался до Курска. Вошел в здание вокзала, чтобы подождать там прибытия скорого поезда из Москвы. Плотно позавтракал в буфете. У меня еще оставалось время, и я пошел в зал ожидания пассажиров третьего класса. Никогда мне не удастся забыть то, что я там увидел. Зал был до отказа забит мужчинами, женщинами и детьми. Около шести сотен крестьян, похожих на стадо животных, которых перегоняют из одного загона в другой. Картина была столь ужасной, что на какой-то момент мне показалось, будто тучи летучих мышей мечутся над головами этих измученных существ. Многие, почти обнаженные, лежали на холодном полу. Другие явно умирали от тифа. Голод, боль, горе или просто немое, полумертвое страдание читались на каждом лице. Я стоял и смотрел, а милиционеры из ОГПУ с каменным выражением лица заставляли людей вставать и гнали их, как скот, толкая и пиная тех, кто сопротивлялся или просто не мог идти. Обернувшись, я увидел, как какой-то старик остался на полу. Это было не что иное, как трагическое выселение. Я знал, что миллионы честных крестьянских семей, которых Сталин называл «кулаками» (это имя означало нечто более ужасное, чем жертвы), были сорваны с родной земли, переселены и уничтожены.

Но я также знал, что в это же самое время (шел февраль 1934 года) фашистские полевые орудия на улицах Вены обстреливали аккуратные домики рабочих, которые построили социалисты. Фашистские автоматы косили австрийских трудящихся, отчаянно пытавшихся отстаивать социализм. Фашизм наступал со всех сторон. Силы реакции закреплялись повсюду. Советский Союз все еще казался единственной надеждой человечества. И потому я продолжал служить Советскому Союзу, а значит, и его хозяину – Сталину.

Через два года, во время испанской трагедии, я видел, как Муссолини и Гитлер бросали своих людей и снаряжение на помощь Франко, а премьер Франции Леон Блюм, социалист, был втянут в лицемерную игру под названием «невмешательство», которая привела к гибели Испанской республики. Я понимал, что решительность Сталина была запоздалой, робкой и недостаточной, чтобы оказать реальную помощь осажденной стране. Я все еще ощущал себя человеком, выбирающим из двух зол меньшее. Я сражался на той стороне, которую считал правой.

Однако потом наступил поворотный момент. Я наблюдал, как Сталин, собирая средства на свою запоздалую помощь, бросил нож в спину республиканского правительства. Я видел, как шла чистка рядов в Москве, которая уничтожила целую большевистскую партию. Я видел, как все это переносилось в Испанию. И в то же самое время, имея преимущества службы в разведке, я видел, как Сталин втайне протянул руку дружбы Гитлеру. Я видел, как он был предупредителен и вежлив с нацистским лидером и при этом казнил великих генералов Красной армии – Тухачевского и других военачальников, под руководством которых я долгие годы защищал Советский Союз и социализм.

И затем Сталин совершил то, что стало для меня последней каплей: он уничтожил всех ответственных работников, которые не хотели быть участниками расстрельных отрядов ОГПУ. Чтобы доказать свою преданность, я должен был сдать одного близкого товарища. Я отклонил это предложение. И порвал со Сталиным. Я заставил себя не закрывать глаза на то, что окружало меня. Я заставил себя понять, что вне зависимости от того, были ли еще другие места в этом мире, связанные с надеждой на лучшее, я служу тоталитарному деспоту, который отличается от Гитлера только своими фразами о социализме – жалкими остатками марксистских и социалистических лозунгов, за которые он отчаянно цеплялся.

Я порвал со Сталиным и начал говорить правду о нем осенью 1937 года, когда он успешно манипулировал общественным мнением и умами государственных мужей как

Европы, так и Америки, открыто, но притворно обличая Гитлера. Многие умные люди советовали мне молчать, но я заговорил. Я начал говорить ради миллионов, которые погибли во время навязанной им коллективизации и практически спланированного голода, а также ради миллионов, все еще принудительно трудящихся в лагерях, а еще ради сотен тысяч моих бывших товарищей-большевиков, которые томились в тюрьмах, ради тысяч и тысяч несчастных, которые были расстреляны. Последним трагическим актом предательства Сталина стало заключение пакта с Гитлером. И он сумел убедить большинство в необходимости потакать его безумию и закрывать глаза на его чудовищные преступления в надежде на то, что он, возможно, имеет действенное оружие для демократических армий.

И вот Сталин показал, что у него в руках. Настал час заговорить всем тем, кто молчал из-за своей недалековидности или по каким-либо стратегическим причинам. На это отважились лишь немногие. Бывший посол французского республиканского правительства Луис де Аракистаин пытался вывести мировое сообщество из заблуждения, указав на действительный характер «помощи» Сталина Испанской республике. Так же заговорил и Ларго Кабальеро, бывший испанский премьер-министр.

Были и другие, которые чувствовали потребность заговорить. Одним из них стал Ромен Роллан. Трудно переоценить ту помощь, которую оказал тоталитаризму этот именитый писатель: он прикрыл ужасы сталинской диктатуры роскошной мантией своей славы. В течение многих лет Роллан вел переписку с Максимом Горьким – известным русским литератором, который одно время был весьма дружен со Сталиным и даже пытался хоть как-то сдерживать последнего. Несомненно, это обстоятельство способствовало тому, что Роллан был причислен к дружественному лагерю. Однако в последние месяцы своей жизни Горький пребывал в моральном заключении. Сталин отказал ему в разрешении выехать за границу, хотя это было необходимо для его здоровья. Почту писателя проверяли, а письма от Романа Роллана перехватывались Стецким – впоследствии начальником секретариата Сталина – и складывались в сталинскую папку «Роллан». Обеспокоенный молчанием своего друга, Горький писал еще одному своему товарищу – помощнику директора Московского художественного театра, спрашивая, что происходит. Во время последнего судебного разбирательства по делу о государственной измене миру было сказано, что Горький, которого все считали другом Сталина, был отравлен Ягодой. Тогда же в «Ла Флеш» опубликовали интервью с известным писателем Борисом Сувариним, а я объяснил Ромену Роллану, почему задержаны его письма. Я просил его сделать заявление о том, что его письма к Максиму Горькому перехватывает Сталин. Он предпочел молчать. Почему же сейчас он заговорил о том, что Сталин открыто протянул руку Гитлеру?

Бывший президент Чехословакии Эдвард Бенеш также решил отсидеться. Когда в июне 1937 года расстреляли Тухачевского и других военачальников Красной армии, Европа испытала страшный шок, а неверие в их вину было столь сильным, что Сталину пришлось искать способы, которые помогли бы убедить западные демократические правительства в том, что победитель Колчака и Деникина был нацистским шпионом. Сталин дал указания ОГПУ, и оно при содействии военной разведки Красной армии подготовило досье для передачи его чешскому правительству, содержащее сфабрикованные доказательства вины красных генералов. Эдвард Бенеш был совершенно уверен, что Сталин будет сражаться за Чехословакию, а потому посчитал эти доказательства достоверными.

Пусть Бенеш сейчас задумается об этом и пересмотрит в свете последних событий характер доказательств, подготовленных экспертами из ОГПУ, а также решит, вправе ли он молчать.

Теперь стало совершенно ясно, хотя это и больно осознавать, что утаивание преступлений Сталина – наихудший способ борьбы с Гитлером и что все те, кто предпочитал отмал-

чиваться, должны наконец заговорить. Если эти последние трагические годы хоть чему-то научили нас, то мы должны понять, что марш тоталитаристского варварства нельзя остановить стратегическим отступлением на позиции полуправды и фальши. Никто не может диктовать те методы, которыми цивилизованная Европа будет восстанавливать человеческое достоинство и ценность человеческой личности; и я думаю, что все те, кто не присоединился ни к лагерю Гитлера, ни к лагерю Сталина, согласятся: первым оружием должна быть правда, а убийца должен быть назван убийцей.

Нью-Йорк, октябрь 1939 г.

В.Г. Кривицкий

Глава 1. Сталин ублажает Гитлера

Ночью 30 июня 1934 года, когда Гитлер впервые провел кровавую чистку и стало понятно, что он не намерен останавливаться на этом, Сталин созвал внеочередное заседание политбюро в Кремле. Еще до известия о том, что Гитлер претендует на мировое господство, Сталин решил сделать следующий шаг навстречу нацистскому режиму.

В то время я работал в отделе разведки Генерального штаба Красной армии в Москве. Мы знали, что кризис в Германии неизбежен. Все секретные донесения готовили нас к взрыву. Как только Гитлер начал кровавую чистку, мы стали постоянно получать бюллетени из Германии.

Той ночью я лихорадочно работал вместе с группой помощников, суммируя информацию для военного комиссара Ворошилова. На заседание политбюро вызвали и тех, кто не являлся его членами. Среди таковых были: генерал Берзин, мой начальник; Максим Литвинов, комиссар иностранных дел; Карл Радек, тогда директор информационного бюро Центрального комитета Коммунистической партии; и Артузов, начальник иностранного отдела ОГПУ.

Внеочередное заседание политбюро созвали для того, чтобы рассмотреть возможные последствия гитлеровской кровавой чистки и ее влияния на советскую международную политику. Конфиденциальная информация из наших источников указывала на наличие двух крайних группировок среди оппонентов Гитлера. Одна из них, возглавляемая капитаном Ремом, состояла из нацистских радикалов, недовольных умеренной политикой Гитлера. Они грезили о «второй революции». В другую входили офицеры германской армии, лидерами которых были генералы Шлейхер и Бредов. Эти мечтали о реставрации монархии. Ради свержения Гитлера они объединились с крылом Рема; и каждая из сторон надеялась в конечном итоге одержать победу. Однако в наших специальных бюллетенях из Германии содержались известия о том, что гарнизоны в крупных городах остаются верными Гитлеру и что большинство офицеров армии были преданы правительству.

В Западной Европе и в Америке кровавую чистку Гитлера повсюду воспринимали как доказательство ослабления нацистской власти. В советских кругах тоже нашлись такие, кто хотел бы верить в предзнаменование краха правления Гитлера. Сталин таких иллюзий не разделял. Подводя итоги дискуссиям на политбюро, он сказал:

– События в Германии совсем не указывают на падение нацистского режима. Напротив, они говорят о консолидации этого режима и усилении самого Гитлера.

Генерал Берзин вернулся с заседания в Кремле, цитируя это высказывание Сталина.

Переживая о том, каково же будет решение политбюро, я целую ночь не спал, ожидая возвращения Берзина. У нас было строго заведено, что никто, даже сам военный комиссар, не имел права брать домой конфиденциальные государственные бумаги, и я знал, что Берзин обязательно сначала приедет на работу, в отделение.

Сталинское изречение, в сущности, определяло дальнейший курс советской политики в отношении нацистской Германии. Политбюро приняло решение любой ценой склонить Гитлера к ведению дел с советским правительством. Сталин всегда верил в необходимость как можно раньше вступить в соглашение с сильным врагом. Ночь 30 июня убедила его в силе Гитлера. Однако такой курс вовсе не был новым для Сталина. Что касается его политики по отношению к Германии, то в таком курсе не было ничего революционного. Сталин лишь решил удвоить свои прежние усилия для того, чтобы умиротворить Гитлера. На этом строилась вся его политика в отношении нацистского режима за шесть лет его существования. Он разглядел в Гитлере настоящего диктатора.

Идея о том, что вплоть до недавнего российско-германского пакта Гитлер и Сталин были смертельными врагами, являлась мифом чистой воды. Она представляла собой искаженную картину, созданную с помощью умелой маскировки и фантастической пропаганды. Реальная картина их отношений заключалась в том, что настойчивого ухажера не пугает отказ. Сталин и был таким ухажером. Со стороны Гитлера шла вражда, Сталин же испытывал страх.

Если говорить о тех, кто в Кремле был настроен прогермански, то такой фигурой был прежде всего сам Сталин. Сразу после смерти Ленина он начал проявлять благожелательное отношение к сотрудничеству с Германией и не изменил своего мнения, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, триумф нацизма укрепил его желание иметь тесные связи с Берлином. И он торопился, подталкиваемый японской угрозой на Дальнем Востоке. Он испытывал глубокое неуважение к «слабым» демократическим государствам и столь же сильно уважал «могущественные» тоталитарные державы. И через все свое правление он пронес мысль о том, что нужно идти на сделки с сильными государствами.

В течение последних шести лет вся международная политика Сталина представляла собой серию маневров, проводимых с целью поставить его в выгодное положение для того, чтобы иметь дело с Гитлером. Когда он присоединялся к Лиге Наций, когда предлагал систему коллективной безопасности, когда искал поддержки у Франции, флиртовал с Польшей, волочился за Великобританией и осуществлял интервенцию в Испанию, он просчитывал каждый свой шаг с точки зрения восприятия его в Берлине. Он надеялся занять такое положение, чтобы Гитлер, посчитав его выгодным, увидел преимущества в сотрудничестве со Сталиным.

Сталинская политика достигла наивысшей точки в конце 1936 года, во время заключения секретного германо-японского соглашения, переговоры о котором были замаскированы дымовой завесой антикоминтерновского пакта. Условия этого секретного договора, которые стали известны Сталину в основном благодаря моим усилиям и усилиям моих людей, подвигли его на отчаянную попытку пойти на сделку с Гитлером. В начале 1937 года такая сделка между ними действительно была возможна. Никто не знает, в какой мере недавний договор, заключенный в августе 1939-го, был подготовлен еще тогда.

Это случилось за два года до того, как Сталин начал показывать миру свое дружеское расположение к Германии. 10 марта 1939 года он сделал первое заявление, последовавшее за аннексией Австрии и оккупацией Судетов, дав свой ответ на завоевательные действия нацистов, шокировавшие весь мир. Мир был поражен попыткой Сталина примириться с Гитлером. Еще более мировая общественность была потрясена, когда Гитлер вошел в Чехословакию.

Документы (как открытые, так и засекреченные), свидетельствующие о сталинской политике умиротворения Гитлера, показывают, что чем агрессивнее становился Гитлер, тем больше Сталин ублажал его. И чем более Сталин преклонялся перед ним, тем наглее вел себя Гитлер.

Ход событий способствовал советско-германскому сотрудничеству задолго до прихода к власти Гитлера и даже самого Сталина. Связи Москвы и Берлина сформировались более чем за десять лет до Гитлера – в рамках Рапалльского договора 1922 года. И к Советскому Союзу, и к Германской республике относились как к париям; обе страны не пользовались влиянием в альянсе, обе противостояли версальской системе. Они также имели деловые связи и взаимные интересы.

Сейчас всем известно, что в течение этих десяти лет существовала секретная договоренность между рейхсвером – германской армией – и Красной армией. Советская Россия разрешила Германской республике обойти версальские запреты, касающиеся учений офицеров артиллерийских и танковых войск, развития авиации и химического оружия. Все это

делалось с попустительства Советов. С другой стороны, Красная армия пользовалась преимуществами, состоящими в получении знаний от немецких знатоков военного дела. Две армии обменивались информацией. Всем также известно, что в это десятилетие Советская Россия и Германия отлично сотрудничали в сфере торговли. Немцы вкладывали капитал и имели выгодные концессии в Советском Союзе. Советское правительство импортировало из Германии оборудование и инженеров.

Такова была ситуация на тот момент, когда вдруг над всем поднялась угрожающая фигура Гитлера. Примерно за семь-восемь месяцев до его прихода к власти, в самом начале лета 1932 года, я встречался в Данциге с одним из высших офицеров немецкого Генерального штаба. Он срочно прибыл на встречу со мной из Берлина. Это был военный старой школы, который верил в реставрацию Германской империи при сотрудничестве с Россией.

Я поинтересовался у этого офицера, каково его мнение о перспективах германской политики в случае прихода Гитлера в правительство. Мы обсудили его взгляды, изложенные в книге «Майн кампф». Немецкий офицер в подробностях проанализировал ситуацию и сказал: «Дайте Гитлеру прийти и сделать свою работу. А потом мы, армия, расправимся с ним».

Я спросил офицера, не будет ли он так любезен, чтобы изложить мне свои соображения на бумаге, чтобы отправить их в Москву, и он согласился. Его доклад всколыхнул кремлевские круги. Большинство пришло к выводу, что военные и экономические связи Германии и России так глубоки, что Гитлер не сможет не считаться с ними. Москва видела в резких высказываниях Гитлера против большевизма некий маневр на пути к власти. Они имели свое объяснение. Но не меняли базовые интересы этих двух стран, которые просто не могли не сотрудничать.

Сталин и сам был крайне доволен докладом немецкого офицера. Несмотря на существование нацистской доктрины о «продвижении на Восток», он уповал на традиционные связи рейхсвера и Красной армии, а также питал уважение как к самой германской армии, так и к ее военному руководству под началом генерала фон Секта. Доклад немецкого офицера соответствовал его собственным взглядам. Сталин видел в нацистском движении прежде всего реакцию на Версальский мир. Ему казалось, что под руководством Гитлера Германия просто попытается отделаться от Версаля. Советское правительство сумело сделать это первым. Действительно, Москва и Берлин первоначально объединились в совместной оппозиции против ненасытных союзников-победителей.

Исходя из этих соображений Сталин не делал попыток разорвать тайные связи Москвы и Берлина, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, он пытался приложить все усилия, чтобы сделать их крепче. Именно Гитлер был тем человеком, кто в первые три года своего правления постепенно ослаблял близкие отношения между Красной армией и армией Германии. Но это не отпугнуло Сталина. В своем стремлении заполучить дружбу Гитлера он стал еще более настойчивым.

28 декабря 1933 года, спустя одиннадцать месяцев пребывания Гитлера на посту канцлера, глава Совета народных комиссаров, Молотов, выступая на съезде Советов, отстаивал приверженность Сталина к прежней политике относительно Германии:

– Взаимодействию с Германией всегда отводилась важная роль в выстраивании международных отношений. Советский Союз со своей стороны не видит причин менять что-либо в своей политике по отношению к Германии.

На следующий день, перед заседанием все того же съезда, комиссар по международным делам Литвинов в своем желании понять намерения Гитлера пошел дальше, чем Молотов. Литвинов воспринял программу, очерченную в «Майн кампф» как стремление немцев вернуть все свои территории. Он говорил о решимости нацистов «огнем и мечом проложить дорогу на восток и, не останавливаясь на границе Советского Союза, поработить народы этого государства». И далее он продолжил: «Уже десять лет нас связывают с Германией тес-

ные экономические и политические отношения. Мы были единственной великой страной, которая ничего не получила от Версальского договора и его решений. Мы отказались от тех прав и преимуществ, которые этот договор давал нам. Германия вышла на первое место в нашей международной торговле. И мы, и Германия получили невероятные преимущества от политических и экономических отношений, которые установились между нами. (Глава исполнительного комитета Калинин: «Особенно Германия!») Пользуясь этим, Германия смелее и увереннее говорит со своими вчерашними победителями».

Намек, содержащийся в выкрике Калинина, явно имел своей целью напомнить Гитлеру о советской помощи, которая и способствовала тому, что теперь он мог бросить вызов версальским победителям. И Литвинов сделал следующее официальное заявление:

– Мы хотели бы иметь наилучшие отношения с Германией, так же как и с другими странами. Советский Союз и Германия не могут получить от таких отношений ничего, кроме выгоды. Со своей стороны мы не имеем желания осуществлять экспансию ни на запад, ни на восток, ни в каком-либо другом направлении. Мы бы хотели, чтобы и Германия заявила бы нам то же самое.

Гитлер не сказал ничего. Но это не отпугнуло Сталина. Лишь воодушевило его на еще более энергичное ублажение нацистского режима.

26 января 1934 года Сталин, обращаясь к XVII съезду Коммунистической партии, продолжал политику умиротворения Гитлера. Последний пребывал во власти ровно год. Он не откликнулся на политические авансы Москвы, хотя вступил в торговлю с Советской Россией на весьма выгодных для себя условиях. Сталин посчитал это жестом политической доброй воли. Он ссылаясь на нацистских деятелей, выступавших за возвращение к «политике бывшего кайзера Германии, который одновременно оккупировал Украину, предпринял бросок в сторону Ленинграда и сделал балтийские страны плацдармом для этого броска». Сталин считал, что в политике Германии произошли изменения, которые он относил не к теориям национал-социализма, а к желанию взять реванш за Версаль. Он отрицал возможность изменения политики Советской России в отношении Берлина из-за «установления фашистского режима в Германии» и протягивал руку Гитлеру с такими словами:

– Конечно, мы далеки от энтузиазма по поводу фашистского режима в Германии. Но фашизм здесь ни при чем, если только фашизм не мешает, как, например, в Италии, установлению хороших отношений с этой страной.

Берлин проигнорировал протянутую руку Сталина. У Гитлера были свои планы на этот счет. Но Сталин не потерял надежды. Он лишь решил поменять методы. Рассматривая нацистскую агитацию за антисоветский блок как маневр со стороны Гитлера, он посчитал нужным ответить на него контрманевром. И с этого момента советское правительство стало проявлять себя сторонником версальской системы, присоединилось к Лиге Наций и даже вошло в антигерманский блок. Сталин полагал, что выраженная таким образом угроза приведет Гитлера в чувство.

Сталин нашел блестящего журналиста, чтобы тот подготовил почву для этого акробатического трюка. Нужно помнить, что все советское поколение воспитывалось в уверенности в том, что Версальский договор был самым пагубным из всех, подписанных когда-либо ранее, и что его авторы были какой-то бандитской шайкой. Переодеть советское правительство в одежду защитников Версаля было непростой задачей. В Советском Союзе имелся лишь один человек, который был способен должным образом осуществить этот дерзкий трюк как для внутреннего, так и для международного потребления. Карл Радек. Человек, который впоследствии сыграл столь трагическую роль во время большого показательного суда в январе 1937 года. Сталин дал Радеку задание подготовить Россию и мировую общественность к изменению его тактики.

Я много раз встречался с Радеком в те дни. Это было ранней весной 1934 года в здании Центрального комитета Коммунистической партии. Узкий круг в Москве гудел о том, что Радек получил задание выпустить серию статей, подготавливающих общественность к грядущему развороту в политике Кремля.

Статьи должны были одновременно появиться в «Правде» и в «Известиях» – главных коммунистических и советских печатных изданиях. Предполагалось, что газеты по всему миру перепечатают их, и они будут внимательно изучены в европейских канцеляриях. Радеку предстояло обелить Версальский мир, объявить новую эру дружбы с Парижем и убедить всех тех, кто симпатизировал Советам за границей, что такая позиция не входит в противоречие с коммунизмом, и в то же самое время оставить дверь открытой для соглашения с Германией.

Благодаря своим частым звонкам в кабинет Радека я знал, что он ежедневно консультировался со Сталиным. Иногда он мчался к Сталину по нескольку раз на дню. Каждая фраза, написанная им, становилась предметом пристального рассмотрения Сталина. Эти статьи во всех смыслах стали совместным трудом Радека и Сталина.

Когда эти работы еще были в стадии подготовки, комиссар Литвинов не оставлял своих попыток заключить соглашение с Гитлером. В апреле он предложил Германии совместное предприятие, которое могло бы сохранить и гарантировать независимость и неприкосновенность Балтийских государств. Берлин это предложение отверг.

Статья Радека вызвала широкий отклик и была воспринята как предзнаменование поворота Советского Союза к Франции и Малой Антанте и его отхода от Германии. «Немецкий фашизм и японский империализм, – писал Радек, – борются за передел мира; эта борьба направлена против Советского Союза, против Франции, Польши, Чехословакии, Румынии и Балтийских государств, против Китая и Соединенных Штатов Америки. А британский империализм хотел бы направить эту борьбу исключительно против Советского Союза».

Тогда у меня состоялась одна беседа с Радеком. Он знал, что я был осведомлен о его задании. Я бросил замечание по поводу нашей «новой политики» и сказал о впечатлении, которое создавалось в неинформированных кругах.

Радек в ответ разразился целым потоком слов:

– Только дураки могут думать, что мы когда-либо порвем с Германией. То, что я пишу, – это одно, а реальность – нечто совсем иное. Никто не в состоянии дать нам то, что может дать Германия. Для нас разрыв с Германией просто невозможен.

Радек продолжал излагать то, что и так мне было слишком хорошо известно. Он говорил о наших отношениях с германской армией, с которой мы были очень близки даже и при Гитлере, о наших отношениях с большим бизнесом в Германии – разве промышленники не держат Гитлера на коротком поводке? Конечно, Гитлер не пойдет против Генерального штаба, который выступает за сотрудничество с Россией. Конечно, Гитлер не скрестит шпаги с германскими деловыми кругами, а ведь они ведут с нами обширную торговлю. Эти две силы и есть столпы германо-советских отношений.

Он назвал идиотами тех, кто думает, что Советская Россия должна отвернуться от Германии из-за нацистских гонений на коммунистов и социалистов. Да, Коммунистическая партия Германии была уничтожена. Ее лидер Тельман заключен в тюрьму. Тысячи ее представителей находятся в концлагерях. Но это лишь одна сторона медали. Говоря о жизненно важных интересах России, нужно принимать во внимание и кое-что еще. Эти интересы требуют продолжения политики сотрудничества с Германским рейхом.

Что же касается статей, которые он пишет, то почему они должны опираться на факты? Это все дело большой политики. Это необходимый маневр. Сталин не собирается рушить отношения с Германией. Напротив, он ищет способы приблизить Берлин к Москве.

Все это было элементарным для тех из нас, кто был посвящен в политику Кремля. Весной 1934 года никто из нас не думал, что разрыв с Германией возможен. Мы все относились к статьям Радека как к новой сталинской стратегии.

Литвинов отправился в поездку по европейским столицам – якобы в интересах так называемого Восточного Локарнского пакта, который должен был гарантировать сохранение границ стран Восточной Европы путем взаимных соглашений заинтересованных государств. Он посетил Женеву. Его визит дал почву слухам о предстоящем франко-российском сближении и увенчал таким образом работу, начатую статьями Радека. В это же время Сталин упрямо продолжал убеждать политбюро: «И тем не менее мы должны быть вместе с немцами».

13 июня 1934 года Литвинов остановился в Берлине, чтобы встретиться с бароном Константином фон Нейратом, тогдашним министром иностранных дел в правительстве Гитлера. Литвинов пригласил Германию присоединиться к Восточноевропейскому пакту. Фон Нейрат решительно отклонил это предложение и резко указал на то, что такой шаг будет способствовать сохранению версальской системы. Когда Литвинов намекнул на то, что Москва может усилить свои связи с другими странами с помощью вступления в военные альянсы, фон Нейрат ответил, что Германия готова пойти на риск и оказаться в окружении.

На следующий день, 14 июня, Гитлер и Муссолини встретились на обеде в Венеции.

Сталин не был обескуражен этим очередным отказом со стороны Берлина. С помощью советских торговых эмиссаров он вновь и вновь прилагал усилия, направленные на то, чтобы убедить правящие круги Германии в своем искреннем желании найти точки соприкосновения с Гитлером. Сталин дал им разрешение намекать на то, что Москва готова пойти на уступки Германии.

Одновременно Сталин пытался побудить Польшу четко определиться со своей политикой как направленной против Германии. В то время никто не знал, какой путь выберет Польша, и для рассмотрения этой проблемы было созвано специальное заседание политбюро. Литвинов, Радек, а также все представители Наркомата по военным делам считали, что на Польшу можно повлиять так, чтобы она действовала сообща с Советской Россией. И только Артузов, начальник иностранного отдела ОГПУ, был не согласен с этой точкой зрения. Он смотрел на польско-советские отношения как на иллюзию. Артузов, слегка поторопившийся встать в оппозицию большинству членов политбюро, был резко прерван самим Сталиным: «Вы вводите политбюро в заблуждение».

Это замечание быстро облетело ближний круг. На смельчака Артузова все смотрели как на конченого человека. Последующие события доказали правоту Артузова. Польша встала на сторону Германии, и, быть может, именно это спасло Артузова на некоторое время. Он был швейцарцем, жившим в царской России и работавшим там учителем французского языка. Еще до мировой войны он участвовал в революционном движении и в 1917 году вступил в большевистскую партию. Он был невысокого роста, седоволосый, имел козлиную бородку и любил музыку. Он женился на русской женщине и завел семью в Москве. В 1937 году, во время великих репрессий, он был арестован и казнен.

Фиаско с Польшей еще больше усилило уверенность Сталина в необходимости умиротворить Гитлера. Он использовал любую возможность донести до Берлина его готовность к установлению дружбы. Гитлеровская «ночь длинных ножей» 30 июня возвысила нацистского лидера в глазах Сталина. Впервые Гитлер продемонстрировал людям в Кремле, что он знает, как обращаться с властью, что он диктатор не только по имени, но и по своим делам. Если у Сталина и были до этого сомнения в способности Гитлера править железной рукой, крушить оппозицию и диктовать свою волю даже влиятельным политическим и военным силам, то теперь эти сомнения улетучились. С этой минуты Сталин начал признавать в Гитлере мастера, человека, способного бросить вызов всему миру. Это обстоятельство, связан-

ное с ночью 30 июня, более чем что-то иное, повлияло на решение Сталина любой ценой добиться взаимопонимания с нацистским режимом.

Две недели спустя, 15 июля, Радек опубликовал статью в официальном советском печатном органе – газете «Известия», в которой попытался напугать Берлин соглашением между Москвой и Версалем. Однако он закончил совершенно противоположным заявлением: «Нет такой причины, по которой фашистская Германия и Советская Россия не могли бы поладить, в том же отношении, в каком добрыми друзьями являются Советский Союз и фашистская Италия».

Предупреждение Гитлера о том, что Германия готова рискнуть и оказаться в окружении, высказанное через фон Нейрата, подвигло Сталина предпринять шаги по созданию контрокружения. Тогда еще существовали тесные взаимоотношения между Красной армией и армией Германии. Торговые связи двух стран также были живы. И потому Сталин смотрел на политический курс Гитлера по отношению к Москве как на маневр с целью получить более выгодную дипломатическую позицию. И чтобы его не обошли с флангов, он решил сам совершить ответный маневр.

Литвинова снова отправили в Женеву. В конце ноября 1934-го он договорился с Пьером Лавалем о предварительном соглашении, предусматривающем пакт о взаимовыгодном сотрудничестве и помощи между Францией и Россией, который был целенаправленно оставлен открытым и для других участников. Этот протокол был подписан 5 декабря в Женеве.

Четыре дня спустя Литвинов выступил со следующим заявлением: «Советский Союз никогда не имел намерения прервать всесторонние дружеские отношения с Германией. Таково, я уверен, и отношение Франции к Германии. Восточноевропейский пакт сделал бы возможным создание и дальнейшее развитие таких отношений между этими тремя странами так же, как и между другими сторонами пакта».

Гитлер наконец-то ответил на этот маневр. Советскому правительству были открыты большие кредиты. Сталин страшно воодушевился. Финансовые интересы Германии, по мнению Сталина, заставили Гитлера раскрыть карты.

Весной 1935 года, во время визита Энтони Идена, Пьера Лаваля и Эдварда Бенеша в Москву, Сталин переживал, как он полагал, триумф. Рейхсбанк предоставил советскому правительству долгосрочный заем в 200 000 000 золотых марок.

Вечером 2 августа 1935 года я с Артузовым и другими его подчиненными находился на Лубянке, в помещении иностранного отдела ОГПУ. Дело было накануне знаменитого первого перелета Леваневского из Москвы в Сан-Франциско через Северный полюс. Мы все ждали машину, чтобы поехать проводить Леваневского и двух его товарищей в Америку. Ожидая ее и убирая бумаги в сейфы, мы вдруг заговорили о наших отношениях с нацистским режимом. Артузов показал нам секретный отчет, только что полученный от одного из наших ведущих агентов в Берлине. Его готовили в ответ на беспокоивший Сталина вопрос: «Насколько влиятельны в Германии те силы, которые выступают за связи с Советским Союзом?»

Представив крайне интересный обзор внутренней экономики и политических условий в Германии, рассказав об элементах возможного несогласия, об отношениях Берлина с Францией и другими державами, о влиятельных людях в окружении Гитлера, наш корреспондент пришел к следующему заключению: «Все советские попытки умиротворить и успокоить Гитлера обречены на провал. Главное препятствие в достижении взаимопонимания с Москвой – это сам Гитлер».

Этот отчет произвел на всех нас глубокое впечатление. Его логика и факты казались неопровержимыми. Мы поинтересовались, как воспринял его «сам». Артузов заметил, что сталинский оптимизм в отношении Германии непоколебим.

– Вы знаете, что Хозяин сказал на последнем заседании политбюро? – Артузов махнул рукой и процитировал Сталина: – «Ну, если Гитлер собирается с нами воевать, зачем тогда он предоставляет нам такие займы? Это невозможно. Деловые круги Германии слишком сильны, а они сейчас на коне».

В сентябре 1935 года я уехал в Западную Европу, чтобы вступить там в новую для меня должность начальника военной разведки. Но уже через месяц я прилетел обратно в Москву. Мой поспешный отъезд был вызван экстраординарным поворотом событий.

Возглавив разведывательную сеть, я обнаружил, что один из наших агентов в Германии неожиданно узнал о тайных переговорах японского военного атташе в Берлине – генерал-лейтенанта Хироси Осимы – и барона Иоахима фон Риббентропа – тогдашнего гитлеровского неофициального министра по особым вопросам в международных отношениях.

Я решил, что эти переговоры были настолько важны для советского правительства, что требуют моего исключительного внимания. Наблюдая за их ходом, я понимал, что это не обычная рутина. Для выполнения задания я должен был располагать очень смелыми и опытными людьми. Именно с этой целью я вернулся в Москву, где должен был также доложить обо всем своему руководству. Прибыв обратно в Голландию, я уже обладал необходимыми полномочиями и средствами, чтобы получить всю возможную информацию о беседах Осимы и Риббентропа.

Эти беседы шли не по обычным внешним дипломатическим каналам. Японский посол в Берлине и германское министерство иностранных дел в них не участвовали. Фон Риббентроп, неофициальный эмиссар Гитлера, лично решал вопросы с японским генералом. К концу 1935 года я располагал информацией, которая недвусмысленно указывала на то, что эти переговоры имели определенную цель. Конечно, мы знали, что целью было поставить мат Советскому Союзу.

Мы также знали, что в течение многих лет японская армия стремилась раздобыть чертежи и образцы особенного немецкого противовоздушного оружия. Милитаристы в Токио продемонстрировали свое желание любой ценой заполучить от Берлина все последние технические образцы этого оружия. Это и была отправная точка германо-японских переговоров.

Сталин внимательно следил за их ходом. Было ясно, что Москва решила попытаться предать переговоры гласности. В начале января 1936 года в западноевропейской прессе стали появляться статьи о том, что Германия и Япония заключили какое-то секретное соглашение. 10 января советский премьер-министр Молотов публично сослался на эти доклады. Еще через два дня Токио и Берлин заявили, что эти слухи не имеют под собой никаких оснований.

Единственным следствием обнародования информации стала возросшая секретность этих переговоров, а кроме того, германское и японское правительства были вынуждены каким-то образом замаскировать то, что происходило в действительности.

На протяжении 1936 года все мировые столицы были взбудоражены публичными и закрытыми докладами о германо-японских делах. Повсюду в дипломатических кругах делались различные волнующие предположения о них. Москва настоятельно требовала документальных доказательств наличия такого соглашения. Мои люди в Германии рисковали жизнью, работая в обстановке невероятной сложности. Они знали, что никакая цена не будет в этом случае высокой и никакая опасность не окажется слишком большой.

Нам было известно, что нацистские спецслужбы перехватили копии закодированных сообщений, которыми во время переговоров обменивались генерал Осима и Токио. В конце июля 1936 года я получил информацию о том, что нашим людям в Берлине в конце концов удалось добыть полную папку этой конфиденциальной корреспонденции в фотостатических копиях. Этот открытый канал должен был обеспечивать нас всеми будущими сообщениями, которые Осима будет посылать своему правительству и которые то будет отправлять ему.

И вот потянулись дни почти невыносимого ожидания, когда я знал, что эти бесценные материалы уже в наших руках, но должен был ждать их безопасной доставки из Германии. Никаких шансов пока не представлялось, и я продолжал терпеливо ждать.

8 августа поступила информация о том, что курьер с корреспонденцией пересек германскую границу и должен уже быть в Амстердаме. Я находился в Роттердаме, когда доставили сообщения. Вместе с моим помощником мы сели в автомобиль и помчались в Амстердам. По дороге мы встретились с нашим агентом, который торопился ко мне с материалами. Мы остановились прямо на шоссе.

– Вот. Мы все получили, – сказал он и передал мне свертки с пленкой; именно так мы обычно упаковывали нашу почту.

Я направился прямо в Харлем, где у нас имелась секретная фотолаборатория. Корреспонденция Осимы была закодирована, но в нашем распоряжении была книга с японскими кодами. А кроме того, в Харлеме нас ждал первоклассный специалист по японскому языку, которого нашла для нас Москва. Я не мог заставлять Москву ждать, пока документы придут к ним с курьером, но я не мог и послать закодированные сообщения из Голландии. У меня был один человек, готовый в любой момент лететь в Париж и оттуда отослать длинное сообщение в Москву.

Пока документы расшифровали, я понял, что передо мной лежит полная переписка Осимы с Токио, которая шаг за шагом раскрывает ход его переговоров с фон Риббентропом, а также указания японского правительства. Генерал Осима докладывал, что переговоры проходили под личным контролем Гитлера, который часто совещался с Риббентропом и давал ему инструкции. Корреспонденция Осимы показала, что целью переговоров было заключение секретного пакта о координации всех действий, предпринимаемых Берлином и Токио в Западной Европе, а также в Тихом океане. В ней не содержалось никаких упоминаний Коммунистического интернационала и вообще не говорилось ни о каких шагах против коммунизма. Переписка по поводу переговоров длилась больше года.

По условиям секретного соглашения, Япония и Германия должны были согласовывать все свои вопросы по Советскому Союзу и Китаю и не предпринимать никаких действий в Европе или в Тихом океане без консультаций друг с другом. Берлин также дал согласие предоставить Токио разработки военного оружия и обменяться военными миссиями с Японией.

И вот в пять часов дня мой курьер вылетел в Париж, имея при себе мое закодированное сообщение. Я вернулся домой и решил несколько дней передохнуть. С этого момента вся переписка генерала Осимы с Токио регулярно проходила через наши руки. Из нее мы узнали, что в конечном итоге секретный пакт был подписан генералом Осимой и фон Риббентропом. В этом пакте говорилось о многостороннем сотрудничестве Японии и Германии, которое выходило за рамки Китая и Советской России.

Но одна проблема все же осталась: как замаскировать это секретное соглашение? Чтобы ввести в заблуждение мировую общественность, Гитлер решил начать работу над антикоммунистическим пактом.

25 ноября в присутствии всех посланников зарубежных государств в Берлине, за исключением Советского Союза, официальные представители правительств Германии и Японии подписали антикоммунистический пакт: публичный документ, состоящий из пары коротких статей. Именно он и призван был скрыть секретное соглашение, существование которого так никогда и не признали.

Конечно, Сталин владел всеми доказательствами, которые я предоставил ему. Он решил показать Гитлеру, что советскому правительству все известно. Комиссар иностранных дел Литвинов получил задание начать действия против Берлина. 28 ноября, обращаясь к внеочередному съезду Советов, Литвинов сказал:

– Хорошо информированные люди отказываются верить, что для подписания двух незначительных статей, которые были опубликованы как германо-японское соглашение, потребовалось пятнадцать месяцев вести переговоры; что эти переговоры были доверены японскому генералу и сверхвлиятельному немецкому дипломату и что они велись в обстановке повышенной секретности и держались в секрете даже от официальной дипломатии Германии и Японии...

Что касается опубликованного германо-японского соглашения, то я бы рекомендовал вам не искать в нем никакого смысла, поскольку в нем на самом деле никакого смысла нет. Оно лишь прикрытие для другого соглашения, которое одновременно с ним обсуждалось, инициировалось и, вероятно, также подписывалось и которое не было опубликовано, и никто не намерен его публиковать.

Я заверяю вас, понимая все полноту ответственности за свои слова, что шла работа над секретным документом, в котором слово «коммунизм» даже не упоминается. И именно ему военный атташе Японии и очень влиятельный дипломат Германии посвятили пятнадцать месяцев...

Это соглашение с Японией предполагает, что любая война, разразившаяся на одном континенте, распространится по меньшей мере на два, а возможно, и больше чем на два континента.

Не стоит и говорить, что Берлин был в ужасе.

Что же касается моего собственного участия в этом деле, то Москва сочла его триумфом. Я был представлен к ордену Ленина. Оно было одобрено всеми инстанциями, но о нем забыли, так как в Красной армии шли чистки. Я так никогда его и не получил.

Уже будучи в Соединенных Штатах, я узнал об американском продолжении этого секретного германо-японского пакта. В январе 1939 года Гитлер назначил своего личного помощника капитана Фрица Видемана генеральным консулом в Сан-Франциско. Во время Первой мировой войны Фриц Видеман был командиром Гитлера, а впоследствии одним из самых близких и верных соратников фюрера. Назначение такой фигуры на кажущийся незначительным пост в регионе Тихого океана еще раз указывало на особую важность германо-японского секретного соглашения. Гитлер рассматривал возможность совместных с Японией маневров в этом регионе.

В октябре 1938 года генерал-лейтенант Осима, бывший ранее военным атташе, стал послом Японии в Германии и 22 ноября 1938 года наконец-то представил свои верительные грамоты Гитлеру.

Итак, какое воздействие пакт между Берлином и Токио оказал на международную политику Кремля? Как Сталин отреагировал на открытые шаги Гитлера против Советского Союза?

Сталин продолжал действовать в двух направлениях одновременно. Он тоже открыто провел целый ряд маневров. Эти действия лежали на поверхности и заключались в том, что он усилил свои связи с Францией, заключив специальный договор и настаивая на альянсе. Он вступил в пакт о взаимовыгодном сотрудничестве с Чехословакией. Он начал кампанию за выступление единым фронтом против фашизма. Он торжественно наделил Литвина полномочиями по организации коллективной безопасности, которая заключалась в том, чтобы собрать воедино все большие и малые международные силы для защиты Советского Союза от германо-японской агрессии. Он вмешался в дела Испании, чтобы создать более тесные связи с Парижем и Лондоном.

Но все эти поверхностные действия осуществлялись лишь для того, чтобы произвести впечатление на Гитлера и привести к успеху скрытых маневров, у которых была только одна цель – добиться тесных связей с Германией. Не успели еще подписать германо-японский пакт, как Сталин уже направил в Берлин советского торгового представителя – своего лич-

ного эмиссара Давида Канделаки, который должен был в обход обычных дипломатических каналов любой ценой заключить сделку с Гитлером. На заседании политбюро, которое как раз проходило в это время, Сталин открыто сказал своим подчиненным: «В самом ближайшем будущем мы заключим соглашение с Германией».

В декабре 1936 года я получил приказ частично свернуть нашу работу в Германии. Первые месяцы 1937 года прошли в ожидании благоприятных результатов секретных переговоров Канделаки. Я был в Москве, когда он вернулся из Берлина. Это случилось в апреле; его сопровождал представитель ОГПУ в Германии. Канделаки привез с собой черновик соглашения с нацистским правительством. Сталин, который верил, что наконец-то все его маневры достигли своей цели, удостоил эмиссара личной аудиенции.

В тот момент я находился на затянувшейся встрече с Ежовым, тогдашним главой ОГПУ. Ежов только что доложил Сталину о некоторых операциях, проведенных мною. В юности Ежов был рабочим-металлургом, воспитанным в сталинской школе. Этот отвратительный маршал кровавых репрессий имел очень простой образ мыслей. Любой политический вопрос он сначала обсуждал со Сталиным, и то, что сказал большой босс, он сначала повторял слово в слово, а затем претворял в действия.

Мы с Ежовым обсуждали различные имевшиеся в нашем распоряжении доклады, которые касались выражения недовольства в Германии и возможной оппозиции Гитлеру со стороны монархических группировок. Ежов уже обсудил это все в тот же самый день со Сталиным. Его слова были практически буквальным повторением того, что сказал сам босс.

– Что это за глупая болтовня о недовольстве Гитлером в германской армии? – воскликнул он. – А что, собственно, делает армию довольной? Хороший рацион? Так Гитлер дает его. Престиж и слава? И это Гитлер обеспечивает. Ощущение власти и победы? И это тоже армия получает от Гитлера. Все разговоры об армейских волнениях в Германии – это просто чепуха.

Теперь о капиталистах. Что им нужно от кайзера? Они хотели, чтобы он вернул рабочих на фабрики. Гитлер уже это сделал для них. Они хотели избавиться от коммунистов. Гитлер отправил их в тюрьмы и концлагеря. Они были по горло сыты профсоюзами и забастовками. Гитлер отдал профсоюзы под контроль государства и запретил забастовки. И с чего промышленникам быть недовольными?

Затем Ежов продолжил в том же духе: Германия сильна. Она сейчас самая сильная держава в мире. И это сделал Гитлер. Кто сомневается в этом? Разве хоть кто-то может не понимать этого? Для Советской России другого курса просто не существует. И здесь он процитировал Сталина: «Мы должны идти на уступки таким великим державам, как нацистская Германия».

Однако Гитлер снова отверг дружеские заверения Сталина. К концу 1937 года, когда потерпели крах сталинские планы в Испании, а японцы добились успеха в Китае, международная изоляция Советского Союза достигла невероятных размеров. Тогда Сталин стал для виду говорить о позиции нейтралитета между двумя главными группами государств. 27 ноября 1937 года, выступая в Ленинграде, народный комиссар иностранных дел Литвинов начал подтрунивать над демократическими странами за то, что они имеют дело с фашистскими государствами. Но ведь истинная цель Сталина как раз в этом и состояла.

В марте 1938 года Сталин инсценировал десятидневный процесс над группой Рыкова, Бухарина и Крестинского – ближайших соратников Ленина, всегда считавшихся отцами советской революции. Эти большевистские лидеры, ненавидящие Гитлера, были расстреляны Сталиным 3 марта. 12 марта Гитлер аннексировал Австрию без всякого протеста со стороны России. Единственным ответом со стороны Москвы стало предложение созвать конгресс демократических государств. И опять же, когда Гитлер в сентябре 1938-го аннексировал Судеты, Литвинов предложил совместную помощь Праге, но поставил ее в зависи-

мость от Лиги Наций. Сам Сталин продолжал хранить молчание на протяжении всего 1938 года, полного событий. Но и после Мюнхена можно было заметить признаки того, что он продолжал добиваться расположения Гитлера.

12 января 1939 года на глазах всего дипломатического корпуса состоялся демонстративный дружеский разговор Гитлера с новым советским послом. Неделью спустя лондонская «Ньюс кроникл» опубликовала статью о предстоящем сближении нацистской Германии и Советской России. И эту статью, без каких-либо комментариев и опровержений, тут же перепечатала и опубликовала на самом видном месте московская «Правда» – главный печатный рупор Сталина.

25 января В.Н. Эвер, редактор иностранного отдела в лондонской «Дейли геральд» – ведущей газеты британской Лейбористской партии, – написал, что нацистское правительство «почти убедилось в том, что в случае войны в Европе Советский Союз примет политику нейтралитета и невмешательства» и что германская торговая делегация, имеющая «цели скорее политические, нежели коммерческие», уже на пути в Москву.

В начале февраля стало известно, что Москва заключила договор о продаже своей нефти Италии, Германии и странам так называемой римско-берлинской оси. Впервые в своей истории советское правительство прекратило продажу нефти частным иностранным корпорациям. Эта новая политика обеспечивала жизненно важные поставки Италии и Германии в случае войны с Великобританией и Францией.

Затем, в пятницу 10 марта 1939 года, Сталин наконец заговорил. Это была его первая речь с момента аннексии Германией Австрии и судетских земель; он с таким добродушным юмором и доброжелательностью высказался о Гитлере, что это привело мировую общественность в состояние шока. Он подверг суровой критике демократические правительства, обвинив их в плетении заговоров с целью «отравить атмосферу и спровоцировать конфликт» между Германией и Советской Россией, для которого, как он сказал, «нет никаких видимых причин».

Через три дня после речи Сталина Гитлер разделил Чехословакию. Спустя еще два дня он завоевал ее полностью. Конечно, к этому привела чемберленовская политика умиротворения. В тот момент мир не осознавал, что это также и результат сталинской политики умиротворения. Все это время Сталин играл в интересах оси Рим – Берлин против оси Лондон – Париж. В силу демократических государств он не верил.

Сталину было ясно, что Гитлер задумал окончательно решить проблему Центральной и Юго-Восточной Европы: поставить народы и ресурсы этих территорий под свое политическое и экономическое господство и расширить тем самым военный плацдарм для будущих действий.

Сталин понимал, что Гитлер сильно продвинулся за последние годы и что он готов прыгнуть практически в любом направлении. Он бросил якорь в Тихом океане и простер свои руки в сторону Северной Африки. Он вплотную приблизился к владениям Британской империи на Ближнем Востоке. И теперь с помощью Муссолини разыграл карту колониальной Африки.

Сталин хотел любой ценой избежать войны. Ее он боялся больше всего. Если Гитлер гарантирует ему мир – пусть даже ценой важных экономических уступок, – он протянет ему руку помощи в каком угодно деле...

Приблизительно такие размышления о тайной политике Сталина содержались в статье, опубликованной в «Сатеди ивнинг пост» за несколько месяцев до 23 августа 1939 года, когда мир был потрясен подписанием пакта Сталина – Гитлера. Не стоит и говорить, что этот пакт вовсе не удивил автора. И Молотов, и Риббентроп объявили о том, что нацистско-советский

пакт открыл новую эру в советско-германских отношениях, что очень серьезно скажется на всей будущей истории Европы и всего мира. И это было абсолютной правдой.

Глава 2. Конец Коминтерна

Коммунистический интернационал родился в Москве 2 марта 1919 года. И смертельный удар ему также был нанесен в Москве. Это случилось 23 августа 1939 года, когда премьер-министр Молотов и министр иностранных дел Германии фон Риббентроп подписали нацистско-советский пакт. Но на самом деле падение этой организации началось несколькими годами раньше.

Одним майским утром 1934 года я разговаривал с Волынским, начальником контрразведки ОГПУ, в его кабинете на десятом этаже в здании на Лубянке в Москве. Вдруг откуда-то снизу, с улицы, послышалось пение и музыка. Посмотрев вниз, мы увидели, что там идут демонстранты. Это шагали три сотни членов австрийской социалистической армии шютцбунд, которые героически сражались на баррикадах Вены против фашистского хайвера. Советская Россия приютила этот небольшой батальон борцов за социализм.

Я никогда не забуду это майское утро: счастливые лица марширующих бойцов Шютцбунда, революционную песню «Братья, вперед, к солнцу, к свободе», дружеское общение с русскими людьми, которые присоединялись к этому небольшому параду. На мгновение я забыл, где нахожусь, но Волынский быстро вернул меня на землю.

– Как вы думаете, Кривицкий, сколько среди них шпионов? – спросил он будничным тоном.

– Ни одного, – сердито ответил я.

– Вы сильно ошибаетесь, – сказал он. – Через шесть-семь месяцев семьдесят процентов из них будут сидеть в тюрьме на Лубянке.

Волынский отлично разбирался в работе сталинской машины. Сегодня на советской территории из этих трехсот австрийцев не осталось никого. Многие были арестованы почти сразу после их прибытия к нам. Другие, хотя и знали, что ожидает их дома, побежали за паспортами в посольство Австрии и вернулись в свою страну, чтобы там подвергнуться долгому тюремному заключению. «Лучше в тюрьме в Австрии, – говорили они, – чем на свободе в Советском Союзе».

Оставшихся беженцев советское правительство отправило в составе Интернациональной бригады в Испанию во время гражданской войны, идущей там. Сталин быстро двигался по дороге, ведущей к тоталитарному деспотизму, и Коминтерн давно уже не отвечал первоначальной цели своего создания.

Коммунистический интернационал был основан Российской партией большевиков¹ двадцать лет назад, когда существовала вера в то, что Европа стоит на пороге мировой революции. Ленин, воодушевленный происходящим, был убежден, что социалистические и трудовые партии Западной Европы, поддерживавшие «империалистическую войну», которую вели их правительства в 1914–1918 годах, предали интересы рабочих масс. Он полагал, что традиционные трудовые партии и профсоюзные объединения Германии, Франции, Великобритании и Соединенных Штатов с их верой в представительные органы правительства и мирную эволюцию к более справедливому социальному порядку окончательно скомпрометировали себя; что именно на плечи победоносной российской большевистской партии возлагалась задача обеспечения революционного лидерства рабочему классу всех стран. Ленин

¹ В качестве «делегатов» от той или иной страны выступали социалисты или новообращенные большевики, которые случайно оказались в Москве. Кроме представителей левого крыла скандинавских социалистических партий, был и еще один настоящий делегат от зарубежной революционной организации – Эберлейн, который представлял германское общество «Спартак»; он получил инструкции от Розы Люксембург голосовать *против* образования нового Интернационала.

верил в Коммунистические Соединенные Штаты Европы и в наступление впоследствии всемирного коммунистического порядка.

Ленин был совершенно убежден, что большевики, несмотря на весь их энтузиазм во время первого блеска победы, не смогут построить коммунистическое общество в России, если трудящиеся всего мира не придут им на помощь. Он понимал, что его смелый эксперимент обречен на неудачу, если к отсталой сельскохозяйственной России не присоединится хотя бы одна великая индустриальная держава. И свои самые большие надежды он возлагал на скорую революцию в Германии.

Последние двадцать лет показали, что Ленин недооценивал значение существующих трудовых организаций – как профсоюзных, так и политических, а также переоценивал адаптивность Западной Европы к русскому большевизму с его боевым кличем, призывающим немедленно свергнуть все правительства – как демократические, так и аристократические – и установить международную коммунистическую диктатуру.

За два десятилетия Коммунистический интернационал – Коминтерн, основанный, поддерживаемый и направляемый российскими большевиками, старался распространить свои методы и программы за пределы границ Советского Союза. Он повсюду образовывал коммунистические партии, строил их точно по модели высокоцентрализованной и дисциплинированной партии большевиков, а кроме того, заставлял отчитываться перед генеральным штабом в Москве. Он рассылал своих агентов во все уголки мира. Он планировал массовые восстания и военные мятежи в Европе, на Дальнем Востоке и в Западном полушарии. И наконец, когда все эти попытки провалились, Коминтерн предпринял свою последнюю политическую акцию в 1935 году – образовал Народный фронт. В этот заключительный период своего существования, используя в качестве нового оружия камуфляж и компромисс, он сделал последний рывок, пытаясь проникнуть в органы формирования общественного мнения и даже правительственные институты ведущих демократических государств.

Благодаря занимаемой должности, я имел возможность близко наблюдать за работой Коминтерна с самого начала его существования вплоть до 1937 года. В течение восемнадцати лет я принимал непосредственное политическое и военное участие в его революционной деятельности за границей. Я был одним из исполнителей плана Сталина относительно интервенции в Испанию, когда Коминтерн бросил свои войска в битву.

Моя работа с Коминтерном началась в 1920 году во время русско-польской войны. Тогда меня прикрепили к советской военной разведке на Западном фронте, который имел штаб-квартиру в Смоленске. Когда Красная армия под началом Тухачевского двинулась на Варшаву, наш отдел должен был вести секретную работу в тылу польских войск, заниматься диверсиями, саботажем поставок снаряжения и боеприпасов, подрывать моральный дух польской армии с помощью пропаганды и поставлять Генеральному штабу Красной армии военную и политическую информацию.

Так как не было четкого распределения заданий между нами и агентами Коминтерна в Польше, мы сотрудничали всякий раз, когда представлялась возможность, с недавно образованной Польской коммунистической партией, а кроме того, издавали революционную газету «Свит» («Заря»), которую распространяли среди солдат польской армии.

В тот день, когда Тухачевский остановился у ворот Варшавы, Домбал, депутат от крестьян, сделал следующее заявление в польском парламенте: «Я не вижу врага в Красной армии. Наоборот, я приветствую Красную армию как друга польского народа».

Для нас это было событие огромного значения. Мы напечатали речь Домбала в «Свит» и, распечатав сотни тысяч экземпляров, распространили газету по всей Польше, прежде всего среди польских солдат.

Домбала тут же арестовали и заключили в Варшавскую цитадель, ужасную польскую политическую тюрьму. Через три года советское правительство наконец добилось его осво-

бождения, обменяв его на польских аристократов и священников, которых держали в качестве заложников. Затем он приехал в Москву, где был объявлен одним из героев Коминтерна. На него пролился щедрый дождь из почестей, а сам он получил высокий пост. Более десяти лет Домбал был одним из влиятельных российских чиновников в Коммунистическом интернационале.

В 1936 году его арестовали по обвинению в том, что он семнадцать лет – начиная со своей речи в польском парламенте – шпионил в пользу Польши. ОГПУ решило, что приветствие Домбала Красной армии, а также последовавшее за этим трехлетнее заключение было частью заранее сплетенного заговора польской военной разведки. Домбала казнили.

Во время русско-польской войны Польская коммунистическая партия работала с нашим отделом рука об руку, и мы готовили эту партию для проведения совместных действий с Красной армией. Польская коммунистическая партия подчинялась всем приказам продвигавшейся вперед армии Тухачевского.

Члены Польской коммунистической партии помогали нам в организации саботажа, в проведении диверсий и в создании препятствий поставкам снаряжения из Франции. Мы устроили забастовку в Данциге, чтобы не допустить подвоза французского снаряжения и боеприпасов для польской армии. Я ездил в Варшаву, в Краков, в Лемберг², в германскую и чешскую части Силезии и в Вену, организуя повсюду забастовки, которые должны были остановить всякие поставки для армии. Мне удалось успешно провести забастовку на железной дороге. Это была чешская железнодорожная ветка в районе Одерберга. Я убедил чешских машинистов не выходить на работу, чтобы боеприпасы «Шкоды» не попали в Польшу к Пилсудскому.

«Железнодорожные рабочие! – писал я в листовке. – Вы перевозите военное оружие, которым уничтожают ваших братьев – рабочий класс России».

В то же самое время польское советское правительство, созданное в предчувствии взятия Варшавы, двигалось вместе с войсками Тухачевского к польской столице. Москва назначила главой этого правительства Феликса Дзержинского – старого польского революционера и начальника российского ЧК (прежнее название ОГПУ).

Русско-польская война была весьма серьезной попыткой Москвы распространить большевизм на Западную Европу, вернее, принести его туда на кончиках штыков. Она провалилась, несмотря на все наши усилия – как военные, так и политические, несмотря на победы Красной армии и несмотря на то, что в Коминтерне у нас был политический отдел, работавший с нашими политагитаторами, а также мы располагали разведчиками в Польше, за линией фронта. В конечном итоге измотанная в боях Красная армия была вынуждена отступить. Пилсудский остался хозяином Польши. Надежды Ленина на то, что мы через Польшу могли бы протянуть руку революционным трудящимся Германии и помочь им распространить революцию на Рейн, провалились.

Попытки осуществления идеи распространения большевистской революции посредством военного вторжения предпринимались и раньше, например в 1919 году, во время недолгого существования Венгерской и Баварской Советских республик. Отряды Красной гвардии находились тогда всего в сотне миль от венгерской территории. Но большевики в тот момент были слишком слабы, и их больше беспокоила борьба с Белой армией, с которой они сражались за само свое существование.

В начале 1921 года, когда Россия и Польша подписали Рижский договор, большевики, и особенно сам Ленин, понимали, что задача успешного перенесения революции в Западную Европу являлась весьма серьезной и долгой по времени выполнения. Не было надежды и на быстрый триумф в международном масштабе, хотя во времена I и II конгрессов Коминтерна

² Лемберг – немецкое название города Львов. (Примеч. пер.)

Зиновьев, его председатель, заявлял, что в течение одного года вся Европа будет коммунистической. Уже после 1921 года и даже в 1927 году Москва еще инициировала целую серию революционных предприятий и путчей.

Тысячи трудящихся в Германии, в Балтийских странах, на Балканах и в Китае стали бессмысленными жертвами этих безответственных мероприятий. Коминтерн отправлял их на резню, ввязываясь в азартную игру, разрабатывая сложные схемы военных переворотов, массовых забастовок и мятежей, ни один из которых не имел реальных шансов на успех.

В начале 1921 года ситуация в России приобрела особенно угрожающий советскому режиму характер. Голод, крестьянские волнения, мятеж военных моряков в Кронштадте и всеобщая забастовка петроградских рабочих привели правительство к краю пропасти. Казалось, что все победы в Гражданской войне были напрасными, поскольку большевики, слепо двигаясь вперед, натолкнулись на оппозицию, состоящую из тех же рабочих, крестьян и матросов, которые и были их главной опорой. Коминтерн, оказавшийся в отчаянном положении, решил, что спасти большевизм можно только посредством революции в Германии. Зиновьев послал в Берлин верного человека – лейтенанта Белу Куна, бывшего главу Венгерской Советской республики.

Бела Кун прибыл в Берлин в марте 1921 года с приказом Центральному комитету Германской коммунистической партии от Зиновьева и Коминтерна: *в Германии сложилась революционная ситуация. Коммунистическая партия должна взять власть*. Центральный комитет Германской коммунистической партии отнесся к этому скептически. Ее члены не могли поверить своим ушам. Они знали, что у них нет никакой надежды свергнуть правительство. Но инструкции Белы Куна недвусмысленно гласили: немедленное восстание, упразднение Веймарской республики и установление коммунистической диктатуры в Германии. Центральный комитет Коммунистической партии Германии подчинился этим приказам. Будучи верным слугой Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, возглавляемого Зиновьевым и направляемого Лениным, Троцким, Бухариным, Радеком и Сталиным, Германская коммунистическая партия просто не могла не подчиниться.

22 марта в промышленных районах Мансфельда и Мерзебурга в Центральной Германии была объявлена всеобщая забастовка. 24 марта коммунисты захватили здания городской администрации в Гамбурге. В Лейпциге, Дрездене, Хемнице и других городах Центральной Германии они атаковали здания судов, городские ратуши, банки и полицейские управления. Официальная газета германских коммунистов «Роте фане» («Красное знамя») открыто призывала к революции.

В один из меднодобывающих районов Мансфельда прибыл некий Макс Гельц, коммунистический Робин Гуд, который за год до этого единолично пытался организовать партизанское движение в Фогтландском регионе Саксонии против берлинского правительства и объявил себя руководителем операции. Примерно в то же самое время в Германии прошла серия насильственных актов, в том числе и попыток взорвать общественные здания и памятники в Берлине. И в этом явно чувствовалась опытная рука Гельца.

24 марта коммунистически настроенные рабочие огромного азотного завода в Лойне, вооруженные ружьями и ручными гранатами, забаррикадировались внутри предприятия.

Однако попытки коммунистов по координации этих локальных действий полностью провалились. Верные и обученные члены их партии отозвались на призыв и были посланы на смерть этой самой партией – батальоны за батальонами бросали в бой еще с большей безжалостностью, чем Людендорф отправлял свои войска на сражения. Огромные массы трудящихся не вышли на всеобщую забастовку, а также и не присоединились к разрозненным мятежам и бунтам. К началу апреля волнения были повсюду подавлены.

Лидер Коммунистической партии Германии доктор Пауль Леви, который с самого начала выступал против этого безумия, был исключен из партии по какому-то неопределенному и невнятному обвинению.

Он сообщил Москве, что не понимает происходящего в Западной Европе, что жизни тысяч трудящихся были принесены в жертву безумной игре. Он назвал большевистских вождей и эмиссаров Коминтерна «мошенниками» и «дешевыми политиками».

За короткий период времени с начала мартовского восстания Коммунистическая партия Германии потеряла половину своих членов. Что же касается Макса Гельца, коммунистического смутьяна и подстрекателя, который рассчитывал на захват власти с помощью динамита, то он предстал перед судом по обвинению в «убийствах, поджогах, разбое на большой дороге и еще в пятидесяти преступлениях» и приговорен к пожизненному заключению.

Я интересовался судьбой Гельца, потому что при всех его диких взглядах он, несомненно, был честным и отважным революционером. Для рабочих его родного Фогтланда он являлся легендарной фигурой. Когда несколькими годами позже я обосновался в Бреслау, где находился в заключении Гельц, я установил контакт с одним из его тюремщиков, который очень сильно привязался к нему. Через этого человека я посылал Гельцу книги, шоколад и кое-какую еду. Мы вступили в заговор с целью освободить узника. Но мне была необходима помощь и поддержка Коммунистической партии. Я связался с Хаманном, лидером отделения в Бреслау, и он пообещал дать мне хотя бы каких-то надежных людей. Тогда я отправился в Берлин и обратился к Центральному комитету партии. У них начались дебаты. Одни хотели, чтобы Гельца освободили законным путем, например путем избрания его в рейхстаг. Другие считали, что его побег – это как раз то, что нужно для стимуляции масс, которые не проявляли пока интереса к Коммунистической партии. В любом случае мне дали добро на попытку освобождения его из тюрьмы. Однако, вернувшись в Бреслау, я сразу же услышал от тюремщика Гельца следующие слова: «Нам приказали закрыть его дверь на цепь».

Власти узнали о нашем заговоре через самого Хаманна – лидера коммунистов Бреслау, члена рейхстага и полицейского осведомителя.

Позже Гельца освободили на законном основании. Хотя я работал над организацией его побега и, находясь в Бреслау, постоянно связывался с ним, впервые мы встретились в Москве в 1932 году, в квартире немецкого писателя-коммуниста Киша. Когда он понял, кто я такой, он рассмеялся и сказал:

– О, да вы тот самый богатый американский дядюшка, который посылал мне хорошие книги и еду.

В течение некоторого времени Москва считала Гельца героем. Его наградили орденом Красного Знамени, в его честь назвали фабрику в Ленинграде, и он получил отличные апартаменты в отеле «Метрополь». Но когда коммунисты без единого выстрела капитулировали перед Гитлером в 1933 году и стало ясно, что это проявление официальной политики Сталина и Коминтерна, Гельц обратился с просьбой о паспорте. Вопрос каждый день все откладывался и откладывался, а за ним самим пустили шпионов. Он пришел в бешенство. Он потребовал немедленного разрешения на отъезд. Московские друзья Гельца стали избегать его. ОГПУ отказалось вернуть его паспорт. Немного позже в «Правде» появилась маленькая заметка о том, что тело Гельца нашли в какой-то реке под Москвой. В ОГПУ мне сказали, что уже после прихода Гитлера к власти Гельца видели выходящим из германского посольства в Москве. На самом деле Гельц был убит сотрудниками ОГПУ, потому что его блистательное революционное прошлое делало его потенциальным лидером революционных сил, стоявших в оппозиции к Коминтерну.

Поражение мартовского восстания в Германии значительно отрезвило Москву. Даже Зиновьев сбавил тон своих прокламаций и манифестов. Европа явно не могла расправиться с капитализмом. Не могла это сделать и сама Россия: после подавления крестьянских восста-

ний и Кронштадтского мятежа Ленин пошел на важные экономические уступки крестьянам и коммерсантам. Россия вступила в период внутренней реконструкции, и мировая революция отодвинулась на второй план. Коминтерн был занят поисками козлов отпущения, виновных в поражениях, и назначением новых руководителей на местах. Фракционные битвы в коммунистических партиях за границы не давали машине Коминтерна отдохнуть от составления резолюций, контррезолюций и приказов об исключении из рядов.

В январе 1923 года я работал в Москве в 3-м отделе разведки Красной армии. До нас дошли слухи, что французы готовы оккупировать Рур, чтобы получить репарации. В то время я жил в гостинице «Люкс», которая считалась главной резиденцией чиновников Коминтерна и иностранных коммунистов...

Следует объяснить, что представляла из себя эта гостиница. Оно была и сейчас является штаб-квартирой гостей из Западной Европы в Москве. Через ее холлы и коридоры проходят как лидеры коммунизма из всех стран, так и делегаты от профсоюзов и просто трудящиеся, которые по той или иной причине были награждены путешествием в пролетарскую Мекку.

Следовательно, советскому правительству важно внимательно присматривать за гостиницей «Люкс», чтобы точно знать, что товарищи из разных стран говорят и делают, чтобы знать их отношение к советскому правительству и к враждующим фракциям внутри большевистской партии. А потому гостиница была под завязку набита агентами ОГПУ, зарегистрированными здесь как гости или проживающие. Среди агентов, живших в «Люксе» и поставлявших информацию об иностранных коммунистах и рабочих в ОГПУ, был и Константин Уманский, нынешний советский посол в Соединенных Штатах.

Я познакомился с Уманским в 1922 году. Он родился в Бессарабии, жил в Румынии и Австрии до 1922 года, а потом перебрался в Москву. Благодаря знанию иностранных языков он поучил место в ТАСС – официальном советском новостном агентстве. Его жена работала машинисткой в Коминтерне.

Уманский рассказал мне, что, когда судьба привела его на службу в Красную армию, он не хотел «терять» два года в общих армейских бараках. Советская жизнь тогда не носила такого кастового характера, как сейчас, и его слова шокировали меня. Большинство коммунистов все еще смотрели на службу в Красной армии как на привилегию. Но Уманский считал иначе. Он сам явился в отдел разведки, имея при себе рекомендации от комиссара иностранных дел Чичерина и от Долецкого, руководителя ТАСС, в которых говорилось, что ему разрешено «отслужить» два года в армии в качестве переводчика 4-го отдела.

Тем же самым вечером, находясь в обществе Фирина, тогда помощника генерала Берзина – начальника отдела военной разведки, я увидел Уманского в одном из московских ресторанов. Я подошел к его столику и спросил его, почему он бросает работу в ТАСС. Он ответил, что хотел бы убить двух зайцев одним выстрелом – сохранить место в ТАСС и служить в 4-м отделе.

Когда я рассказал об этом Фирину, он зло ответил:

– Будь спокоен, в 4-м отделе он работать не будет.

В те годы не так-то легко было получить хорошее место, и Уманский не смог устроиться переводчиком в Красную армию. Однако ему удалось избежать жизни в необустроенных бараках, поскольку он попал на место дипломатического курьера в Наркомате иностранных дел. Это приравнялось к военной службе, так как все дипломатические курьеры состояли в штате ОГПУ. Не бросая своей работы в ТАСС, Уманский ездил в Париж, Рим, Вену, Токио и Шанхай.

Работая в новостном агентстве ТАСС, Уманский служил ОГПУ, поскольку именно здесь трудились журналисты и корреспонденты, имевшие опасно тесные контакты с внешним миром. И Уманский мог шпионить за репортерами отовсюду – из московского отделе-

ния и за границей. В гостинице «Люкс» он держал уши на макушке, не пропуская ни одной случайной беседы иностранных коммунистов. Всех начальников Уманского во всех отделах, где ему довелось работать, либо освободили от обязанностей, либо отстранили от должности до расстрелов и репрессий. Это касается его бывшего шефа в ТАСС Долецкого, а также и всех его тамошних коллег; его бывшего шефа в иностранном отделе Максима Литвинова; Александра Трояновского, первого советского посла в Соединенных Штатах, и Владимира Ромма, корреспондента ТАСС в Вашингтоне, его личного друга. Трояновский и Ромм были отозваны из Вашингтона в Москву именно в то время, когда Уманский бок о бок работал с ними в Америке.

Уманский является одним из очень немногих коммунистов, которому удалось перебраться через колючую проволоку, отделявшую старую партию большевиков от новой. Во время репрессий существовал лишь один-единственный пропуск для прохода через эту границу. Ты должен был представить Сталину и ОГПУ необходимое количество жертв. Константин Уманский отлично с этим справился...

Когда до нашего отдела дошли сведения о французской оккупации Рура, группе из пяти-шести офицеров, включая и меня, приказали немедленно выехать в Германию. На все приготовления ушло двадцать четыре часа. Москва надеялась, что последствия французской оккупации откроют обновленному Коминтерну дорогу в Германию.

Меньше чем через неделю я уже был в Берлине. Сразу же у меня сложилось впечатление, что Германия стоит на пороге катастрофы. Инфляция подняла рейхсмарку до астрономических высот, повсюду была безработица, ежедневные стычки как между рабочими и полицией, так и между рабочими и националистскими боевыми отрядами. Французская оккупация подлила масла в огонь. В какой-то момент мне даже показалось, что измученная и истощенная Германия может бросить армию в губительную для себя войну с Францией.

Вожди Коминтерна с осторожностью наблюдали за событиями в Германии. Они хорошо помнили 1921 год и не хотели ввязываться в драку до тех пор, пока внутренний хаос не станет полным. Однако наш отдел разведки дал совершенно определенные инструкции. Нас отправили в Германию для проведения разведки, мобилизации всех готовых на подъем элементов и накопления оружия для того, чтобы в подходящий момент поднять восстание.

Мы сразу же приступили к созданию трех типов организаций в Германской коммунистической партии: службы партийной разведки, работающей под руководством 4-го отдела Красной армии; военных формирований, которые должны были стать ядром будущей германской красной армии; и небольших отрядов боевиков, в чьи функции входило разложение морального духа рейхсвера и полиции.

Во главе партийной разведки мы поставили Ганса Киппенбергера, сына издателя из Гамбурга. Он, трудясь не покладая рук, плел разветвленную шпионскую сеть в полиции и армии, в государственном аппарате, во всех политических партиях и враждебно настроенных организациях. Его агенты проникли в монархистскую организацию «Стальной шлем», в «Вервольф» и в нацистские отряды. Работая рука об руку с отрядами боевиков, они, соблюдая секретность, осторожно выясняли у офицеров рейхсвера, какую сторону они примут в случае коммунистического восстания.

Киппенбергер верой и правдой служил Коминтерну и проявлял при этом чудеса отваги. Во время событий 1923 года его жизнь подвергалась опасности каждодневно. В конечном итоге его постигла судьба всех верных и преданных коммунистов. Будучи избранным в рейхстаг в 1927 году, он стал членом Комитета по военным делам. И, считая себя представителем Коминтерна в этом органе власти, он в течение многих лет снабжал советскую военную разведку ценной информацией. Он оставался в Германии в течение нескольких месяцев

после прихода к власти Гитлера, продолжая выполнять опасную подпольную работу в интересах Коммунистической партии. В 1936 году его арестовали как нацистского шпиона.

Следователь ОГПУ пытался заставить его признать, что якобы он работал на германскую разведку. Киппенбергер отказался.

– Спросите Кривицкого, мог ли я стать нацистским агентом, – умолял он. – Он знает, что я делал в Германии.

– Разве вы не знали генерала Бредова, главу военной разведки рейхсвера? – спросил следователь ОГПУ.

– Конечно, я его знал, – ответил Киппенбергер. – Я был членом фракции коммунистов в рейхстаге и работал в Комитете по военным делам.

(Генерал Бредов часто выступал в этом комитете рейхстага.)

ОГПУ больше было нечего инкриминировать Киппенбергеру. Тем не менее после шести месяцев допросов неустрашимый боец «признался», что состоял на службе в германской военной разведке.

– У меня гвоздь в голове, – повторял он. – Сделайте хоть что-нибудь, чтобы я мог заснуть.

Мы, советские офицеры, создали германские коммунистические военные формирования – основу германской красной армии, которой так и не суждено было появиться. Мы привели эти формирования в очень четкую систему, разделив их на отряды по сто человек – хундершафт. Мы подготовили списки коммунистов, служивших во время войны, и систематизировали все согласно военным званиям. В дополнение к этим спискам мы рассчитывали сформировать в германской красной армии и офицерские подразделения. Мы также подобрали технический штат, состоящий из опытных специалистов: пулеметчиков, командиров артиллерии, авиаторов и работников связи, отобранных среди обученных связистов и телефонистов. Мы учредили женскую организацию и приступили к обучению медсестер.

Однако в Руре мы столкнулись с целым рядом различных проблем, к которым привели последствия французской оккупации. Именно Рур стал сценой, на которой разыгрывался один из самых необычных спектаклей истории. Немцы не могли противостоять французской армии силой, а потому заняли позицию пассивного сопротивления. Шахты и фабрики закрывались, а на своих местах оставалась лишь небольшая горстка работников, чтобы предотвратить затопление шахт и сохранить фабричное оборудование в рабочем состоянии. Железные дороги практически стояли. Безработица была всеобщей. Берлинское правительство, уже столкнувшееся с фантастической инфляцией, фактически поддерживало население Рура.

Между тем французы начали поощрять сепаратистское движение, которое имело своей целью отделить территории Рейнского бассейна от Германии и создать независимое государство. Случайные наблюдатели считали, что сепаратистское движение было не чем иным, как французской пропагандой. Однако на самом деле это движение имело местные корни и было очень серьезным. Если бы Британия не противостояла ему, Рейнский бассейн отделился бы от Германии в 1923 году. Во многих рейнских домах я видел бюсты Наполеона, создателя Рейнской конфедерации. Достаточно часто я слышал, как жители жалуются, что их богатая страна эксплуатируется Пруссией.

Коммунистическая партия противостояла сепаратистскому движению всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении. Лозунгом Коминтерна было: «Война Штреземану и Пуанкаре!» Нацисты и их союзники-националисты провозглашали: «Война Пуанкаре и Штреземанну!» Именно в те дни нацист и террорист Шлагетер был казнен французскими военными властями. Смерть Шлагетера осталась бы незамеченной, если бы к узкому кругу его товарищей не был приближен Карл Радек – один из самых умных пропагандистов Коминтерна. Он и принес эту весть в Германию. «Присоединяйтесь к коммунистам, – зывал

Радек, – и вы освободите родную землю как в национальном, так и в социальном отношении!»

В течение некоторого времени Радек вел переговоры с лидерами нацизма и национализма, среди которых выделялся знаменитый граф Ревентлов. Основой для такого сотрудничества послужил тот факт, что единственным шансом немецкого национализма на успех являлась возможность объединения с большевистской Россией против таких империалистических государств, как Франция и Великобритания. Но этим планам так и не суждено было сбыться. Только в 1939 году соглашение в конце концов заключили, но условия были далеко не так выгодны для Москвы, как во время униженного и обездоленного положения Германии.

Между тем все было готово для сепаратистского государственного переворота. Лидеры партии сепаратистов – Матес, Дортен и Шмидт – собирали и объединяли свои силы. Огромная демонстрация в Дюссельдорфе, состоявшаяся в конце сентября, стала сигналом для объявления Рейнской республики.

Националисты боролись с сепаратистами с помощью индивидуального террора. Коммунистическая партия созвала контрдemonстрацию «против предателей-сепаратистов». Когда две конфликтующие силы встретились в городе на перекрестке, я впервые в своей жизни видел, как коммунисты бок о бок бьются с национал-террористами и германской полицией. Сепаратисты потерпели поражение в основном по причине вмешательства про-германского британского кабинета.

Хотя мы всеми возможными средствами поддерживали германских националистов в борьбе с французами на Рейнской земле и в Руре, мы решили, что в случае коммунистического восстания в Германии мы не позволим втянуть себя в конфликт с военными силами Франции. Наш стратегический план, разработанный офицерами нашего штаба на рейнской территории, предусматривал образование военных формирований нашей партии в Центральной Германии, в Саксонии и в Тюрингии, где коммунисты тогда были особенно сильны. Мы занимались обучением наших подразделений, ориентируясь на эту стратегию.

Готовясь к коммунистической революции, германские коммунисты создавали небольшие террористические группы, так называемые «Т-отряды», чтобы деморализовать рейхсвер и полицию террористическими актами и убийствами. «Т-отряды» состояли из очень смелых и отчаянных фанатиков.

Я вспоминаю встречу с одной из таких групп одним сентябрьским вечером в Эссене незадолго до коммунистического восстания. Я помню, как они собирались для получения приказов – спокойно, с какой-то торжественностью. Их командир коротко объявил:

– Сегодня вечером работаем.

Они спокойно взяли свои револьверы, проверили их и тихо выскользнули один за другим. Прямо на следующий день пресса Эссена сообщила о найденном трупе офицера полиции: убийца был неизвестен. В течение нескольких недель эти группы наносили быстрые и точные удары в различных частях Германии, убивая полицейских офицеров и прочих врагов коммунистического курса.

Когда наступил мир, эти фанатики так и не смогли найти свое место в обыденной жизни. Многие из них участвовали в вооруженных налетах, сначала преследуя революционные цели, а потом просто ради грабежа. Немногие из тех, кому удалось перебраться в Россию, оказались в сибирской ссылке.

Тем временем Коммунистическая партия Германии ожидала приказов от Коминтерна, которые, как им казалось, доходят до них невероятно медленно. В сентябре лидер партии Брандлер и некоторые из его соратников были вызваны в Москву для получения инструкций. В политбюро – главном органе советской Коммунистической партии России – развернулись бесконечные дискуссии, на которых большевистские вожди постоянно обсуждали

подходящий час для начала германской революции. А все это долгое время лидеры Германской коммунистической партии, томясь в нетерпении в Москве, ждали у моря погоды, пока умные головы большевиков определяли свой окончательный план действий.

Москва решила следовать намеченной линии. Она секретно отправила в Германию своих лучших людей: Бухарина, Макса Левина, который был одним из лидеров четырехнедельной Баварской советской диктатуры, Пятакова, венгерских и болгарских агентов Коминтерна и самого Карла Радека. Мы, бойцы Красной армии в Германии, продолжали обучение своих военных формирований. Мы проводили тайные ночные маневры в лесах близ Золингена на Рейнской земле; тысяча трудящихся приняла в них участие.

Наконец мы узнали: «Зиновьев определил дату восстания».

Отряды Коммунистической партии по всей Германии ожидали окончательных инструкций. В германский Центральный комитет доставили телеграмму от Зиновьева, в которой был назван точный час. Курьеры Коминтерна поспешили в различные партийные центры, чтобы доставить туда приказ Москвы. Из тайников доставали оружие. С растущим напряжением мы ожидали «час zero». А потом...

«Новая телеграмма от «Гриши», – объявили коммунистические лидеры. – Восстание откладывается!»

Снова курьеры Коминтерна понеслись по всей Германии с новыми приказами и новой датой революции. Такое состояние тревожного беспокойства длилось несколько недель. Почти каждый день от «Гриши» (Зиновьева) поступала новая телеграмма – новые приказы, новые планы, новые агенты из Москвы с новыми инструкциями и новыми революционными листовками. В начале октября коммунисты получили приказ: объединиться в коалицию с левыми социалистами и войти в правительства Саксонии и Тюрингии. Москва полагала, что эти правительства станут действующими центрами сплочения коммунистов и что полиция окажется обезоруженной накануне восстания.

И вот начался последний акт этой пьесы. От Зиновьева пришла очередная телеграмма в категоричном тоне. И снова курьеры Коминтерна поспешили во все концы Германии, чтобы донести его слова до каждого уголка страны. И снова коммунистические батальоны готовились к атаке. Близился решающий час. Мы думали, что теперь невозможно отступить назад, и с чувством облегчения ждали конца этой изматывающей истории, длящейся вот уже несколько недель. Но в последний момент снова поспешно созвали Центральный комитет Германской партии.

– Новая телеграмма от «Гриши»! Восстание опять откладывается!

И снова в партийные центры в последнюю минуту отправили гонцов с вестью о том, что все отменяется. Однако курьер, посланный в Гамбург, прибыл слишком поздно. Гамбургские коммунисты, руководствуясь присущей немцам дисциплиной, в назначенный час вступили в битву. Сотни рабочих, вооруженных винтовками, начали штурм полицейского участка. Другие заняли стратегические объекты города.

Рабочие-коммунисты в других частях Германии оказались ввергнутыми в состояние паники.

– Почему мы ничего делаем, в то время как сражаются трудящиеся Гамбурга? – спрашивали они районных руководителей своей партии. – Почему мы не идем им на помощь?

У партийных лейтенантов просто не было ответа на этот вопрос. Только некоторые, занимавшие высокое положение, знали, что гамбургские рабочие гибнут сейчас из-за последней «Гришиной» телеграммы. Коммунисты Гамбурга продержались около трех дней. Огромное количество трудящихся в городе бездействовало, а Саксония и Тюрингия не пришли на помощь коммунистам. Рейхсвер под началом генерала фон Секта вошел в Дрезден и выбросил кабинет коммунистов и левых социалистов Саксонии из их здания. Кабинет Тюрингии ожидала точно такая же судьба. Коммунистическая революция кончилась крахом.

Все наши, кто находился в Германии, знали, что ответственность за это фиаско несет штаб-квартира в Москве. Общую стратегию предполагаемой революции разработали большевистские лидеры Коминтерна. А значит, нужно было найти козла отпущения. Фракционным противникам Брандлера в Германской партии были знакомы коминтерновские методы прикрытия ошибок высокого командования, а потому они сразу же рьяно взялись за дело.

– Брандлер и Центральный комитет виноваты в том, что мы потерпели поражение и не смогли захватить власть, – кричала новая «оппозиция», возглавляемая Рут Фишер, Тельманом и Масловым.

– Совершенно верно, – вторила им Москва. – Брандлер – оппортунист, социал-демократ. Он должен уйти! Слава новым революционным лидерам Рут Фишер, Тельману и Маслову!

На следующем Всемирном конгрессе Коминтерна это все было оформлено в виде ритуальных резолюций и декретов, и с благословения Москвы Германскую коммунистическую партию возглавило новое руководство.

Брандлер получил приказ явиться в Москву, где его лишили германского паспорта, а также предоставили советскую административную работу. Зиновьев проинформировал его, что не собирается больше беспокоиться о германских делах и не имеет к ним никакого отношения. Все его попытки вернуться в Германию были безуспешны до тех пор, пока его друзья не пригрозили учинить международный скандал, который привлечет внимание правительства в Берлине. Только тогда ему позволили покинуть Советскую Россию и исключили из Коммунистической партии.

Суварин, известный французский писатель и автор самой полной биографии Сталина, пережил то же самое. В 1924 году его изгнали из руководства Французской коммунистической партии по приказу Коминтерна, а потом советское правительство удерживало его до тех пор, пока его друзья в Париже не пригрозили привлечь внимание французских властей.

Лишь для одной ветви советского правительства этот дорогостоящий эксперимент 1923 года не оказался полностью бесполезным. Я имею в виду военную разведку. Когда мы увидели крах усилий Коминтерна, мы сказали: «Давайте спасем то, что можно спасти в германской революции». Мы взяли лучших людей, найденных и обученных нашими партийными спецслужбами, и отряды боевиков и ввели их в нашу советскую военную разведку. На руинах германской революции мы создали для Советской России блистательную разведывательную службу в Германии – на зависть всем государствам.

Потрясенная поражением в Германии, Москва начала присматривать новое поле сражения. Поздней осенью 1924 года положение в Германии стабилизировалось. За почти шесть лет Коммунистический интернационал не добился ни одной победы, которая могла бы как-то оправдать огромное количество жертв и невероятные траты денег. Тысячи коминтерновских паразитов состояли на довольствии у Советов. Позиции Зиновьева в большевистской партии пошатнулись. Нужна была хоть какая-то победа – где угодно и каким угодно способом.

На западной границе Советской России находилась Эстония – крошечное государство, тогда явно переживавшее жестокий кризис. Зиновьев и Исполнительный комитет Коминтерна решили отбросить все марксистские теории. Вызвав начальника отдела разведки в Красной армии генерала Берзина, Зиновьев начал с ним разговор с самого важного: в Эстонии революционный кризис. Мы больше не будем действовать так, как делали это в Германии. Используем новые методы: никаких забастовок, никакой агитации. Все, что нам нужно, – это смелые отряды под началом горстки офицеров Красной армии, в основном прибалтийских русских, и через два-три дня мы будем хозяевами Эстонии.

Генерал Берзин привык подчиняться приказам. Через несколько дней были создана группа из примерно шестидесяти офицеров Красной армии, преимущественно из балтийских русских. Их командиром стал Жибур – один из героев Гражданской войны. Людей

переправили в Эстонию разными маршрутами: кого-то через Финляндию и Латвию, другие проскользнули через советскую границу. В Эстонии их уже ждали специальные рассредоточенные коммунистические отряды общей численностью около двухсот человек. К концу ноября все приготовления были завершены.

«Революция» началась утром 1 декабря 1924 года в Ревеле, в столице, в специально определенных местах в центре. Вся остальная страна пребывала в полном спокойствии. Рабочие, как обычно, трудились на фабриках. Дела шли своим чередом, и примерно через четыре часа «революция» оказалась полностью проваленной. Около ста пятидесяти коммунистов погибли на месте. Сотни других, не имевших отношения к восстанию, были брошены в тюрьмы. Офицеры Красной армии быстро вернулись в Россию по заранее организованным каналам. Жибур вновь сидел за своим столом в своем кабинете в Генеральном штабе, ситуацию с эстонской «революцией» постарались как можно быстрее замять.

В Болгарии же Коминтерн наслаждался периодом процветания, поскольку у власти стоял Стамболийский – лидер Крестьянской партии. Он был дружески настроен по отношению к Москве. Остатки Белой армии генерала Врангеля, которую большевики вытеснили из Крыма, находились на болгарской территории, и советское правительство было заинтересовано в том, чтобы ударить по этим формированиям. С согласия Стамболийского Россия с этой целью отправила в Болгарию группу секретных агентов. Эти агенты использовали любые методы пропаганды, включая публикации в газетах, а также и все возможные террористические действия, включая убийство. В определенном смысле они добились успеха в деморализации этого потенциального противника советской армии.

Несмотря на дружеские отношения между Стамболийским и Москвой, когда в 1923 году Цанков поднял военный мятеж против правительства Стамболийского, Москва приказала Болгарской коммунистической партии оставаться нейтральной. Коммунистические вожди надеялись, что в результате смертельной борьбы между армией reactionеров и Стамболийским они смогут сами захватить власть.

Стамболийский был смещен и убит. Цанков установил военную диктатуру. Тысячи невинных людей отправились на виселицы, а коммунистическую партию загнали в подполье.

Прошло два года, и Коминтерн решил, что пришло время коммунистического путча против правительства Цанкова. Заговор был сплетен в Москве. Это сделали лидеры Болгарской коммунистической партии с помощью офицеров Красной армии. Одним из этих болгарских лидеров был Георгий Димитров. Коммунисты узнали, что 16 апреля 1925 года все высокопоставленные члены болгарского правительства будут на службе в Свети соборе в Софии. Они решили использовать этот случай для восстания. По приказу Центрального комитета Болгарской партии во время службы прямо в церкви была взорвана бомба. Около ста пятидесяти человек погибли. Но премьер-министр Цанков и высокопоставленные чиновники правительства выжили. Все непосредственные участники взрыва были казнены.

Сам Димитров продолжал работать на Коминтерн в Москве. Затем он стал его представителем в Германии. В конце 1932 года его снова отозвали в Москву, и люди, близкие к власти, говорили, что карьера его подошла к концу. Однако он не успел подчиниться приказу: его арестовали в связи с поджогом рейхстага. Его смелое и умное поведение в нацистском суде, где он успешно переложил вину на самих нацистов, сделало его коммунистом-героем того времени.

Один из невероятно ироничных моментов истории Коминтерна заключался в том, что Димитров, один из тех, кто был ответствен за взрыв в Софийском соборе, впоследствии стал главой Коминтерна, официальным глашатаем «демократии», «мира» и Народного фронта.

У Москвы имелось сложное теоретическое обоснование провалов в Венгрии, Польше, Германии, Эстонии и Болгарии. Эти резолюции и отчеты составили несколько томов. Но

нигде в них не содержалось и малейшего предположения о том, что большевизм и его советские лидеры несут ответственность за это. Миф о непогрешимости коминтерновского руководства создавался и отстаивался со священным упрямством. Чем яснее был факт поражения, тем более грандиозные планы строились на будущее и тем более сложной и разветвленной становилась структура Коминтерна.

Хотя Коммунистический интернационал так никогда и не достиг своей первоначальной цели – установления коммунистической диктатуры в отдельно взятой стране, – он стал (особенно после того, как направил свои стратегические усилия на Народный фронт) одним из самых важных политических институтов мира.

Из общих положений Коминтерна секрета не делалось. Всем было известно, что коммунистические партии – легальные или нелегальные – есть в любой стране мира. Мир знал, что их штаб-квартира находится в Москве. Но почти ничего не было известно о реальном аппарате организации и его тайных, но тесных связях с ОГПУ и советской военной разведкой.

Генеральный штаб Коминтерна располагался в здании, выходившем окнами на Кремль и усиленно охраняемом сотрудниками ОГПУ, одетыми в гражданское. И любопытные москвичи не имели ни одного шанса проникнуть туда. Люди, посещавшие это здание, вне зависимости от их положения, подвергаются самому пристальному наблюдению с того самого момента, как только переступают его порог, и находятся под контролем, пока не покидают этого места. Слева от главного входа располагается кабинет коменданта, заполненный агентами ОГПУ.

Если Эрл Браудер, генеральный секретарь Американской коммунистической партии, хочет, например, повидаться с Димитровым, он должен получить пропуск у коменданта здания, где тщательно изучат его бумаги. Прежде чем ему разрешат войти в здание Коминтерна, его пропуск снова внимательно изучат. На пропуске должно быть рукой Димитрова помечено точное время, когда встреча окончилась. Если он хоть ненадолго задержался после интервью, то сразу же будет проведено расследование. Каждая минута, проведенная в здании Коминтерна, учитывается и фиксируется. Неофициальные беседы в коридорах крайне не поощряются, и сотрудник ОГПУ вполне может обвинить высокопоставленного работника Коминтерна в нарушении этих правил. Такая система обеспечивает ОГПУ полным досье о связях российских и иностранных коммунистов, которое можно использовать в нужный момент.

Сердце Коминтерна – это малоизвестный и никогда не афишируемый отдел международных связей, который сокращенно называют ОМС. До начала репрессий ОМС возглавлял Пятницкий – ветеран большевистского движения, прошедший во время царского режима практическую школу распространения нелегальной революционной пропаганды. В начале столетия именно Пятницкий отвечал за доставку ленинской газеты «Искра» из Швейцарии в Россию. Неудивительно, что, когда был создан Коминтерн, выбор Ленина пал на Пятницкого, который стал главой самого важного отдела – отдела международных связей. Являясь начальником ОМС, он стал в действительности министром финансов и начальником отдела кадров Коминтерна.

По всему миру он создал широкую сеть постоянных агентов, подчиняющихся лично ему, которые и помогали осуществлению связей между Москвой и номинально независимыми коммунистическими партиями Европы, Азии, Латинской Америки и Соединенных Штатов. Будучи местными агентами Коминтерна, эти представители ОМС держали коммунистических лидеров страны, в которой они находились, в ежовых рукавицах. Никакой высокий пост или самое полное досье не дают доступа к сведениям о настоящих именах представителей ОМС. Большинство лидеров коммунистических партий тоже не знают их.

Они не знают, кто их представитель, кто докладывает обо всем Москве. А те, в свою очередь, не принимают непосредственного участия в партийных дискуссиях.

В последние годы ОГПУ постепенно взяло на себя многие функции ОМС, особенно в отношении того, чтобы рыскать повсюду и докладывать в Москву обо всех высказываниях против Сталина. Однако в невероятно сложной подрывной работе и в координировании действий коммунистических партий ОМС все еще остается главным инструментом.

Наиболее деликатной работой, которую доверяют агентам-резидентам из ОМС, является распределение денег для финансирования коммунистических партий, их дорогостоящая пропаганда и их фальшивые фронты – такие, как, например, Лига за мир и демократию, Международная организация защиты труда, «Помощь международным трудящимся», «Друзья Советского Союза» и множество якобы непартийных организаций, которые становились важными зацепками, когда Москва создавала Народный фронт.

В течение многих лет, когда революционные перспективы казались обнадеживающими, Коминтерн вливал большую часть своих денег в Германию и Центральную Европу. Но когда стало понятно, что они все больше становятся придатками советского правительства, а революционные цели отодвигаются на второй план, уступая место сталинизации общественного мнения и захвату ключевых позиций в демократических правительствах, необычайно выросли расходы Москвы на Францию, Великобританию и Соединенные Штаты.

Никогда ни одна коммунистическая партия мира не могла себе позволить покрывать лишь очень маленький процент своих расходов. По собственным оценкам Москвы, ей приходилось нести в среднем от девяноста до девяноста пяти процентов расходов зарубежных коммунистических партий. Эти средства выплачивались из советской казны через ОМС в тех суммах, которые определяло сталинское политическое бюро.

Агент-резидент ОМС – это судья в первой инстанции, решающий целесообразность любого нового расхода, который желает сделать коммунистическая партия. В Соединенных Штатах, например, если политическое бюро Американской коммунистической партии размышляет об учреждении новой газеты, оно консультируется с агентом ОМС. Он рассматривает предложение и, если из этого можно извлечь пользу, связывается со штаб-квартирой в Москве. Далее важные дела решает Российская партия большевиков. В мелких случаях широкие полномочия предоставляются представителю ОМС.

Одним из любимых методов переправки денег и передачи инструкций из Москвы в зарубежную страну для использования местной коммунистической партией является дипломатическая почта, которая не подлежит досмотру. По этой причине представитель ОМС обычно занят такой номинальной работой, которая позволяет ему бывать в советском посольстве. Он получает из Москвы пакеты с печатью советского правительства, в которых находятся пачки банкнотов и инструкции по распределению денег. Он лично доставляет свертки с деньгами руководителю коммунистической партии, с которым он имеет личный контакт. Поражает беспечность, с которой американские, британские и французские банкноты посылаются за границу для использования их Коминтерном: как правило, они имеют предательский штамп советского Государственного банка.

В первые годы существования Коминтерна его финансирование осуществлялось еще более открыто. Я припоминаю случай, когда политбюро отдало приказ ЧК (ОГПУ) доставить Коминтерну мешки с конфискованными бриллиантами и золотом для переправки их за рубеж. С тех пор появились и другие методы переброски денег. Удобным прикрытием являются советские торговые корпорации, такие как «Аркос» в Лондоне и «Амторг» в Соединенных Штатах, и связанные с ними частные коммерческие фирмы. Постоянное смещение лидеров в зарубежных коммунистических партиях представляло серьезную проблему для денежных операций ОМС. Когда Москва после провала восстания 1923 года вытеснила

руководство Германской коммунистической партии, Миров-Абрамов, агент ОМС в Германии, так же как и Пятницкий в Москве, провел много беспокойных часов в раздумьях о том, кому можно доверить деньги Коминтерна. Для них было большим облегчением, когда Вильгельм Пик удержался в новом Центральном комитете, поскольку и Пятницкий, и Миров-Абрамов доверяли этому ветерану трудового движения.

Миров-Абрамов, которого я знал много лет, был представителем ОМС в Германии с 1921 по 1930 год. Официально он работал в пресс-отделе советского посольства в Берлине. На самом же деле он руководил распределением денег и рассылкой коминтерновских инструкций во все части Германии и в большую часть Центральной Европы. На пике работы Коминтерна с Германией Миров-Абрамов держал штат из более чем двадцати пяти ассистентов и курьеров. Позже его отозвали в Москву и назначили ассистентом Пятницкого. Когда же большевистский генеральный штаб Коминтерна был ликвидирован Сталиным, Мирова-Абрамова убрали вместе с Пятницким. Благодаря исключительным связям Мирова-Абрамова с германским подпольем его впоследствии перевели в службу советской военной разведки, где он и служил до 1937 года, пока не был расстрелян во время великой чистки. Сложилась весьма абсурдная ситуация, когда Ягода, бывший начальник ОГПУ, представ на следующий год перед судом, заявил, что он посылал огромные суммы Троцкому через Мирова-Абрамова.

Управление финансами Коминтерна и его иностранным отделом является лишь малой частью задач, выполняемых ОМС. Эта служба функционирует также и как нервная система Коминтерна. Посланники, отправляемые Москвой в качестве политических комиссаров в коммунистические партии зарубежных стран, устанавливая все свои контакты через ОМС, который снабжает их паспортами, направляет их по нужным адресам и в принципе действует как постоянный связующий штаб между штаб-квартирой в Москве и политическими агентствами за границей.

Несколько лет назад видным коминтерновским комиссаром в Соединенных Штатах был венгерский коммунист Погань, известный в этой стране под именем Джон Пеппер. Его первоочередной задачей здесь было смещение Лавстоуна и Гитлоу – лидеров Американской коммунистической партии, после того как те получили вотум доверия от подавляющего большинства членов партии. Погань-Пеппер выполнил приказ и внедрил новое руководство в Американскую коммунистическую партию. Самого Пеппера в 1936 году арестовали в Москве и затем расстреляли.

Паспортный отдел ОМС, в отличие от ОГПУ и военной разведки, на самом деле не занимается изготовлением паспортов. Он добывает подлинные документы, как только представляется любая возможность, и подправляет их в соответствии с тем, что требуется. Для этого он использует фанатическое рвение членов компартий и тех, кто им симпатизирует. Если представителю ОМС в Соединенных Штатах требуется два американских паспорта для агентов Коминтерна в Китае, он связывается со своим человеком в Американской коммунистической партии. Последний получает подлинный паспорт гражданина США от членов партии или сочувствующих. Затем специально обученные люди в ОМС удаляют фотографии, заменяют их другими и с большим искусством делают другие необходимые изменения.

Москва всегда испытывала особую любовь к американским паспортам. Ниже я расскажу о той роли, которую они играли во время Гражданской войны в Испании. Для представителя ОМС или агентов ОГПУ было обычным делом послать пачку американских паспортов в Москву, где в штаб-квартире ОМС был штат, состоящий примерно из десяти человек, занятых исправлением таких документов в соответствии с нуждами Коминтерна.

В 1924 году Берлинская полиция накрыла местную штаб-квартиру ОМС и обнаружила там целую стопку германских паспортов вместе с папкой, содержащей первоначальные имена их владельцев, подлинные имена немецких агентов, которые ими пользуются,

и фиктивные имена, под которыми они путешествуют. Именно эти причины и требовали предпочтительного использования подлинных паспортов.

В 1927 году Коминтерн и ОГПУ отправили графа Браудера в Китай. Я не знаю, почему для этой миссии выбрали именно Браудера, но думаю, что главная причина как раз и заключалась в наличии у него американского паспорта. Припоминаю один разговор, который у меня состоялся в этой связи с Пятницким. У него был человек, работавший на него под фамилией Лобоновский; в нашем кругу его некомпетентность всегда была предметом насмешек и анекдотов. Я часто сталкивался с Лобоновским в одной из европейских столиц, когда он суетливо трудился над тем или иным якобы важным заданием. Однажды мне представился случай обсудить эту ситуацию с Пятницким.

– Товарищ Пятницкий, скажите мне честно, – попросил я, – зачем мы держим этого идиота в нашем штате?

Ветеран и большевик высокого полета спокойно улыбнулся и ответил:

– Мой дорогой Вальтер, дело здесь не в способностях Лобоновского. Важнее всего то, что у него канадский паспорт, мне нужен именно канадец для выполнения тех миссий, ради которых я куда-то его посылаю. Никто другой этого просто не сделает.

– Канадец! – воскликнул я. – Лобоновский не канадец. Он украинец, родился в Шепетовке.

Пятницкий рявкнул:

– Что ты такое говоришь! При чем тут украинец из Шепетовки! У него есть канадский паспорт. И мне это прекрасно подходит. Ты что, думаешь, так легко найти настоящего канадца? Мы извлечем все, что нам нужно, и из канадца, рожденного в Шепетовке!

Я думаю, что, когда в Коминтерне обсуждали вопрос об отправке Браудера в Китай, они там все хорошо понимали, что он не был экспертом в китайских вопросах. Но Браудер был самым настоящим американцем – из Канзас-Сити, не из Шепетовки.

Практически все дела, касающиеся изготовления и подделки паспортов и других документов, находились в ведении урожденных русских. Довоенные условия в царской России создавали им исключительные возможности практиковаться в этом искусстве. Большевики оказались замечательно подготовленными к сложной системе функционирования паспортов, принятой в большинстве европейских стран после 1918 года. В помещениях ОГПУ и 4-го отдела Красной армии сидят эксперты, которые в состоянии подделать подпись консула и правительственные печати так, чтобы их было невозможно отличить от настоящих.

Отдел международных связей выполняет и еще одну важную функцию. Он координирует все образовательные и пропагандистские вопросы Коминтерна в международном масштабе. Он организует курсы и школы в Москве и ее окрестностях для того, чтобы тщательно отбирать коммунистов из разных стран, обучать их разным аспектам гражданской войны: от пропаганды до умения стрелять.

Эти школы берут свое начало прямо с первых месяцев большевистской революции, когда немецких и австрийских военных заключенных отправляли на краткие тренировочные курсы в надежде, что эти «кадры» будут с успехом использовать полученные знания на баррикадах Берлина и Вены. Позже такие курсы превратятся в учебные учреждения. Самые способные студенты пройдут военное обучение под непосредственным руководством Управления разведки Генерального штаба Красной армии.

В 1926 году в Москве был открыт университет, призванный обучать коммунистов Западной Европы и Америки технике большевизма. Этот университет, получивший название Ленинская школа, финансируется ОМС, которая также предоставляет и общежитие для студентов. Его деканом является жена Ярославского – руководителя советской «Лиги безбожников». Студенты, большей частью британские, французские и американские коммунисты, ведут абсолютно замкнутую жизнь и мало контактируют в Советском Союзе как

с русскими, так и с иностранцами. Предполагается, что выпускники этой большевистской академии вернутся в свои страны, чтобы работать на Коминтерн в профсоюзах, правительственных учреждениях и других некоммунистических организациях. Соблюдать секретность очень важно, поскольку их ценность для Москвы в Соединенных Штатах, во Франции и Великобритании утратится, если станет известно, что они учились методам ведения гражданской войны у офицеров разведки из Красной армии.

Другие курсы, предназначенные для очень маленькой группы особо тщательно отобранных иностранных коммунистов, проводятся в обстановке полной секретности – за пределами Москвы, в пригороде Кунцево. Здесь европейских и американских коммунистов учат разведывательной работе, включая подслушивание телефонных разговоров, работу с рацией, подделку паспортов и т. д.

Когда Коминтерн обратил свой взор на Китай, был создан университет на востоке, так называемый университет Сунь Ятсена, с Карлом Радеком во главе. Тогда Москва просто излучала оптимизм относительно перспектив советской революции в Китае. Сыновей генералов китайских военачальников приглашали на обучение в этой спецшколе. Среди них был и сын Чан Кайши. Гоминьдан, китайская националистическая партия, и Коминтерн работали рука об руку, и Москва уже предвкушала близкую великую победу.

Партия Гоминьдан получила российского политического инструктора Бородина и российского военного советника генерала Галена-Блюхера, впоследствии командующего Красной армией на Дальнем Востоке вплоть до его ликвидации в 1938 году. Коммунисты правдами и неправдами внедрялись в Гоминьдан, и многим удалось войти в ее Центральный комитет и партийную военную академию в Вампу. Получив полную поддержку Москвы, Чан сделал резкий разворот и 20 мая 1926 года сместил коммунистов со всех ключевых постов. Однако Сталин не пошел на явный разрыв с Чаном, надеясь позже перехитрить его.

В это время я жил в гостинице, которая до революции носила название «Княжий двор». На том же этаже, что и я, жил генерал Фань по прозвищу Генерал-христианин. Несмотря на майскую «пощечину», вожди Коминтерна все еще верили в свою победу в Китае. Фань находился в Москве, так как с помощью маневров надеялся заключить союз против Чан Кайши. Советские руководители придавали его визиту огромное значение, а потому они приглашали генерала на встречи и обеды, а также объявили его вождем китайских масс населения. Фань играл свою роль просто потрясающе, обещая в своих звонких речах бороться за победу ленинизма в Китае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.